

ISSN 0869-5415

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

1995

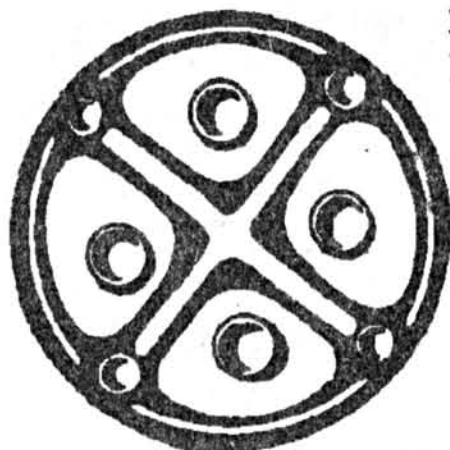
№ 3

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 3

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ·ИЮНЬ
1995

С 1926 по 1929 г. журнал выходил под названием «Этнография»
С 1931 по 1991 г. — «Советская этнография»

Редакционная коллегия

Ю. В. Арутюнян, В. Н. Басилов, И. В. Власова (главный редактор),
Н. А. Дубова, А. А. Зубов, В. В. Карлов, А. М. Решетов, В. А. Тишков,
Г. В. Цулая, С. В. Чешко (заместитель главного редактора),
Д. А. Функ, Е. А. Шервуд

Отв. секретарь О. Д. Комарова

Заведующая редакцией *Е. А. Эшлиман*

Адрес редакции:

117334 Москва, Ленинский пр., д. 32а
тел. 938-18-67, 938-56-50, факс 938-06-00

К 50-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1995 г., ЭО, № 3

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА. ЧАСТЬ II Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР —воинов Великой Отечественной войны

23 сентября 1943 г. участники общего собрания Академии наук СССР приняли обращение к Красной Армии. В нем, в частности, говорилось: «Никогда страна не забудет тех, кто кровью своей отстаивал свободу и счастье Отчизны»¹. С тех времен прошло свыше полувека. Демографы, военные и гражданские историки до сих пор подсчитывают людские потери в Великой Отечественной войне. Это только подтверждает факт колоссальных жертв, которые положили советские люди на алтарь победы. Дорогой ценой далась она нашему народу.

Свою посильную лепту в это великое дело внесли и сотрудники Института этнографии, призванные по мобилизации и ушедшие на фронт добровольцами. Некоторые из них не вернулись с войны, судьба других нам до сих пор не известна, третьи, вернувшись к труду этнографа, всю оставшуюся жизнь жили воспоминаниями о фронтовых буднях и боевых товарищах. Умирая в разное время в послевоенные годы, они оставались, независимо от воинских званий, солдатами Великой Отечественной.

Сейчас трудно сказать, с каким чувством все эти люди шли на войну. Конечно, она воспринималась ими как большое несчастье. Беря в руки винтовки, они едва ли думали о возможной смерти. Прежде всего все верили в скорую победу над врагом и возвращение в родные стены исторической Петровской Кунсткамеры.

В год 50-й годовщины победы над немецко-фашистскими захватчиками мне показалось крайне важным собрать все доступные сведения о тех, кто до войны работал в нашем институте и ушел защищать Родину, не думая о том, какую цену они за это заплатят. Данная статья посвящена коллегам, которые не щадя жизни, сил, здоровья, отстаивали для нашей Родины свободу и независимость.

В фойе Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН висит доска из белого мрамора, на которой золотыми буквами написано: «Светлой памяти сотрудников Института этнографии, погибших в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.). Пали в боях за Родину *Г. Д. Вербов, М. В. Евстратов, А. М. Кукулевич, И. М. Лекомцев, А. В. Мачинский, Н. П. Никульшин, А. А. Савинич, А. Шакуров, К. Н. Шакуров, Н. Б. Шнакенбург*». Но на фронт ушло значительно большее количество научных и технических сотрудников. Указанные на мемориальной доске товарищи погибли. Некоторые из ушедших на войну дожили до Победы, вернулись и работали в Институте или были связаны с Институтом, но теперь и их уже никого нет в живых. Другие не объявились после окончания войны, судьба их мне, как и другим, не известна. Известно только, что они ушли на фронт из стен нашего Института. И мне думается сегодня важно рассказать о каждом из них.

В первый день войны в армии уже находился *Алексей Владимирович Мачинский*². Он был призван на военную службу еще в декабре 1939 г. А. В.

Мачинский родился 3 (16) марта 1910 г. в Калуге в дворянской семье. Его отец был инженером-технологом, начальником материальной службы Северо-Западной железной дороги, мать — учительницей и воспитательницей. В 1918—1927 гг. Алеша учился в 1-й Детскосельской школе, после окончания которой в 1927 г. поступил в Ленинградский историко-лингвистический институт, на отделение древнего мира факультета языкознания и истории материальной культуры. В первые годы учебы увлекался археологией: в 1928 г. участвовал в работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК (раскопки Кобякова и обследование Елизаветовского городища), в 1929 г. в составе той же экспедиции работал под руководством известного археолога и этнографа А. А. Миллера, обследовал курганы в Кабардино-Балкарии. В 1930 г. Мачинский прошел месячную музейную производственную практику в Отделе Древнего Востока Государственного Эрмитажа. В 1930—1931 гг. активно участвовал в антирелигиозной пропаганде: с 15 декабря 1930 г. по 1 июня 1931 г. он — заведующий Антирелигиозным кабинетом при Смольнинском районном доме партактива. В 1931 г. его избирают членом президиума смольнинского райсовета Союза воинствующих безбожников.

В январе 1932 г. А. В. Мачинский закончил институт и получил квалификацию историка Древнего Востока и музееведа. 16 марта 1932 г. он был зачислен научно-техническим сотрудником ГАИМК, с 16 апреля работал в архиве этого института, сначала в должности заведующего, а с 22 февраля 1934 г. — хранителя (старшего научного сотрудника). Однако, как представляется, молодого ученого мало интересовала чисто архивная работа. Более активное участие он принимал в деятельности Института, где выполнял обязанности секретаря кафедры. Мачинский участвует в обсуждении докладов, которые читались в Институте, им было подготовлено исследование, о котором проф. В. В. Струве в декабре 1934 г. дал такой отзыв: «Считаю своим долгом заявить, что работа т. Мачинского „Сельское хозяйство Древнего Египта“, подготовляемая им к печати по поручению кафедры Древнего Востока и ИИРО (Института истории рабовладельческого общества.— А. Р.) ГАИМК, является добросовестным и обстоятельным решением поставленной им проблемы. В особенности заслуживают внимания и одобрения вдумчивые и осторожные отношения к вопросу об организации сельского хозяйства и попытка вполне самостоятельно определить характер связи непосредственного производителя со средствами производства.

Очень ценные наблюдения в области техники, указывающие нам на момент более интенсивной обработки высоких полей»³.

Большую и активную деятельность он развивает и как секретарь кружка по изучению Древнего Востока при Государственном Эрмитаже; сохраняет интерес и к археологии. С 25 июня по 8 сентября 1934 г. А. В. Мачинский участвует в новостроечной экспедиции на р. Терек и в г. Керчи. Ряд его неопубликованных работ по археологии Северного Кавказа хранится в архиве ИИМК в Санкт-Петербурге.

Разносторонние интересы молодого ученого, по-видимому, не находили полного удовлетворения в ГАИМК. И он принимает решение о переходе в Институт антропологии, археологии и этнографии, где имелась возможность работать по специальности. Речь, очевидно, шла о музееведении. Есть архивные сведения, что в указанном Институте он начал работать до договору с 15 апреля 1934 г. По соглашению с Институтом Мачинский должен был произвести подбор материалов по номенклатуре родства в древней Мексике, составить список племен Мексики и Центральной Америки, учетный перечень всех археологических коллекций и др. С 15 марта 1936 г. он был зачислен в штат Института на должность научного сотрудника 1-го разряда, хоть по приказу был уволен из ГАИМК только с 1 апреля 1936 г.

Переход в Институт антропологии, археологии и этнографии не означал полного разрыва с прежней тематикой: с согласия заведующей отделом Центральной и Южной Америки Н. Г. Шпринцин Мачинский с 1 августа по 30 сентября уезжает в экспедицию ГАИМК и Чеченского научно-исследовательского института для

проведения археологических работ на территории Чечено-Ингушской АО. С 3 июля по 3 сентября 1938 г. его вновь откомандировывают в ГАИМК для участия в Северо-Кавказской экспедиции, а в августе — сентябре 1939 г. Мачинский опять на раскопках в Чечено-Ингушской АССР.

В Институте этнографии им была проведена большая музейная работа с этнографическими и археологическими коллекциями, подготовлен путеводитель по выставке «Древние культуры Мексики и Южной Америки», оставшийся, к сожалению, неопубликованным. По плану он написал статьи об ацтеках и майя, готовил статьи о кечуа и аймара для двухтомника «Этнография народов зарубежных стран», выступал как помощник редактора этого издания Д. А. Ольдерогге. Последний так отзывался о работе А. В. Мачинского: «На этой работе т. Мачинский показал свою осведомленность и знание материала. Помощь его весьма значительна, и только благодаря ей я имел возможность проверить большое число статей, прошедших через редакцию»⁴. Директор Института этнографии акад. В. В. Струве также высоко отзывался о достоинствах А. В. Мачинского как научного сотрудника: «За все это время (работы в Институте в 1936—1939 гг. — А. Р.) Алексей Владимирович Мачинский проявил себя аккуратным работником и выполнил ряд научных заданий, свидетельствующих о его большом научном росте»⁵.

В конце 1939 г. в связи с мобилизацией А. В. Мачинского в ряды РККА директора двух академических учреждений — Института этнографии В. В. Струве и Института истории материальной культуры М. И. Артамонов — обратились в Ленинградский горвоенкомат с просьбой об освобождении его от службы, мотивируя его большой загрузкой как основного исполнителя по Институту этнографии в томе «Этнография народов зарубежных стран», по Институту истории материальной культуры — в т. 1, по Институту истории — в т. 2 «Всемирной истории». В 1939 г. Мачинский начал преподавательскую деятельность в Педагогическом институте им. М. Н. Покровского⁶. Несмотря на ходатайство директоров, военкомат подтвердил свое намерение. В приказе № 87 по Институту этнографии от 10 декабря 1939 г. отмечалось: «Младшему научному сотруднику Отдела Центральной и Южной Америки Алексею Владимировичу Мачинскому, призываемому в ряды РККА, за большую и тщательно проведенную работу по редактированию статей двухтомника „Очерки этнографии зарубежных стран“ объявляю благодарность и представляю его к премированию Президиумом Академии Наук СССР»⁷.

Будучи научным сотрудником АН СССР, А. В. Мачинский проявил себя как незаурядная личность с разносторонними интересами. Некоторое представление об этом может дать список, пусть даже неполный, его опубликованных работ⁸. Он вел себя скромно, достойно, весь отдавался работе, общественной деятельностью не занимался, был исключительно доброжелателен к людям. Вполне вероятно, что его осторожность проистекала из понимания складывавшейся в стране и в Академии трагической ситуации... По более поздним отзывам друзей и коллег, «он уже тогда понимал многое из того, чего мы не понимали и о чем не догадывались».

В армии первый год он служил рядовым, а затем при штабе дивизии был переводчиком и сам готовил переводчиков. После начала войны, говорят, за подбитый в трудном бою танк и проявленную способность к руководству боевыми действиями был произведен в лейтенанты. Очевидцы рассказывали, что однажды небольшая группа красноармейцев под командованием лейтенанта А. В. Мачинского сопровождала железнодорожный эшелон. Во время налета вражеской авиации на объект бойцы залегли по обе стороны насыпи полотна железной дороги и винтовочными выстрелами пытались сбить самолет. Одна из машин противника пролетела на малой высоте, расстреливая пулеметными очередями лежавших на обочине людей. Именно на этой стороне насыпи находился и лейтенант А. В. Мачинский, здесь его и настигла вражеская пуля. Точное место гибели и захоронения семье не известно. По сведениям Дзержинского райвоенкомата Санкт-Петербурга, А. В. Мачинский пропал без вести в декабре 1942 г.

В предвоенные месяцы особенно часто производились призывы военнообязанных для прохождения длительных военных сборов. На один из таких сборов был призван кочегар Института этнографии *Михаил Васильевич Евстратов*, уволенный по этому случаю из штата сотрудников с 9 апреля 1941 г.⁹ Он родился в 1909 г. в деревне Шелканиха Сандовского уезда Тверской губернии. Происходил из крестьянской семьи, образования не получил, жил трудом земледельца. До 1936 г. работал в колхозе, потом перебрался в Ленинград, служил вахтером, грузчиком. В октябре 1937 г. Евстратов был осужден на два года, которые провел на Дальнем Востоке на лесоразработках. С 29 октября 1939 г. он работал кочегаром в Институте этнографии. Сведениями о дальнейшей его жизни я не располагаю.

Уже 23 июня 1941 г. приказом за № 103 были уволены «в связи с мобилизацией в ряды РККА с выплатой 2-х недельного выходного пособия»¹⁰ научно-технический сотрудник И. И. Сазонов, дворник П. Д. Рыжаков, младший научный сотрудник А. А. Савинич и старший научно-технический сотрудник Г. А. Гловацкий.

Иван Ильич Сазонов родился в 1902 г. на Орловщине в крестьянской семье¹¹. Закончил рабфак Уральского строительного института, в ноябре 1926 г. вступил в партию. В 1938—1939 гг. после окончания курсов экскурсоводов Сазонов стал научным работником при Управлении культурно-просветительских предприятий Ленсовета. В сезон 1939—1940 гг. он работал экскурсоводом петергофских дворцов-музеев и парков, начал водить экскурсии в МАЭ по отделам Кунсткамеры и археологии. С 27 августа 1940 г. он — научно-технический сотрудник, с 15 сентября — заместитель заведующего Политпросветотделом МАЭ, одновременно Сазонов выступает как организатор лекций, занятий кружков «Друзей Музея». С 24 июня 1941 г. в связи с реорганизацией Политпросветотдела, согласно приказу, он подлежал освобождению от работы в Институте этнографии АН СССР. Однако ввиду начала войны и призыва его в армию этот приказ был отменен, и Сазонов как научно-технический сотрудник Политпросветотдела ушел на фронт защищать Родину. Дальнейшими сведениями о нем не располагаю.

Петр Данилович Рыжаков родился 14 мая 1912 г. в Санкт-Петербургской губернии в бедной крестьянской семье¹². Ему удалось закончить всего два класса начальной школы. До 1932 г. жил в деревне, потом попробовал поработать в Ленинграде на табачной фабрике им. Урицкого. Показалось непривычным, вернулся в деревню, но и там жилось нелегко. В 1936 г. Рыжаков вернулся в город, устроился подсобным рабочим на завод им. Коминтерна. С 26 сентября 1939 г. он перешел на работу дворником в Институт этнографии. В августе — сентябре 1940 г. Рыжаков прошел 40-дневные военные сборы и оставался дворником вплоть до мобилизации в ряды РККА 23 июня 1941 г. Тогда ему шел 30-й год. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Антон Алексеевич Савинич родился 5 августа 1904 г. в деревне Шиловка Толочинского уезда в белорусской крестьянской семье¹³. Рано занялся общественной деятельностью: с августа 1920 г. по 1927 г. на комсомольской, а с 1927 г. — на партийной работе. В 1927—1928 гг. Савинич служил в армии. После демобилизации пошел на завод рабочим-станочником. В 1929 г. Обком ВКП(б) командировал его на учебу в Ленинградский Восточный институт. После окончания второго курса для практических занятий в японском языке он был командирован в Японию, где прожил около шести лет, получив должность в торгпредстве СССР. Деятельность Савинича оказалась главным образом связанной с организацией экспорта советского леса на японские острова: первоначально он контролер лесного отдела, затем уполномоченный лесного отдела, ответственный исполнитель торгпредства. Кроме того Савинич занимался экспортом в Японию каменного угля, пушнины, драгоценных камней и разных мелких товаров. Последние восемь месяцев перед отъездом на Родину он служил секретарем торгпредства. Как позднее писал сам А. А. Савинич, « всю свою работу в Японии проводил самостоятельно на японском языке, без помощи переводчиков ». Он проживал в Токио, Кобе, Осака, Нагоя, а также в Сеуле. На о-в Формоза (Тайвань) Савинич

был командирован с научными работниками Института растениеводства в качестве переводчика с японского языка. Как путешественник он был в Китае, Гонконге, в Маниле (Филиппины). После возвращения в 1937 г. из Японии Савинич с 25 февраля по 28 марта 1938 г. преподавал японский язык в Ленинградском Восточном институте. В январе 1938 г. он был вызван в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) за нарушение директив о связи с иноподданными во время работы за границей, но взыскания, тем не менее, не получил. 28 марта 1938 г. по тем же мотивам неожиданно был арестован органами НКВД и находился под стражей по 29 июля 1939 г. Освобожден в связи с прекращением дела. Как находившийся под стражей А. А. Савинич был исключен из партии, поэтому первым шагом его после выхода на свободу явилось обращение в Комитет партийного контроля с просьбой о восстановлении в рядах ВКП(б). Вопрос этот был решен положительно в Москве в конце октября 1939 г.

Надо было устраиваться на работу. К этому времени Восточный институт ликвидировали. И 19 сентября 1938 г. Савинич обратился с просьбой зачислить его в МАЭ по Отделу Дальнего Востока. 28 сентября директор МАЭ Д. А. Ольдерогге наложил положительную резолюцию: «По отзыву проф. Кюнера тов. Савинич является вполне подготовленным для этой работы, т. к. прекрасно знаком с Японией и Китаем». С 25 сентября, согласно приказу директора Института этнографии акад. В. В. Струве, Савинич был зачислен в штат. Судя по сохранившимся отчетам, он работал старательно: с 25 сентября по 24 октября 1939 г. восстановил и привел в порядок существовавшие экспозиции Японии, Кореи, Индокитая (7 шкафов), выполнил ряд других мелких работ; сверх плана им была сделана опись в Отделе археологии. В 1940 г. Савинич — секретарь парторганизации Института, младший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока. В 1941 г. ему исполнилось 47 лет, он не был женат, на воинском учете состоял как командир взвода запаса... О дальнейшей судьбе сведениями не располагаю.

Георгий Адамович Гловацкий родился 27 марта 1911 г. в Харбине¹⁴. В 1930—1934 гг. учился в Ленинграде в Институте истории, философии и лингвистики, после окончания которого работал экскурсоводом в МАЭ преимущественно по разделам Китая и Японии. Старейшие сотрудники рассказывали, что он настолько доходчиво и интересно проводил экскурсии, что у него появились свои почитательницы, приходившие в музей по несколько раз в год «послушать Гловацкого». Он участвовал в создании временных выставок, в пополнении этнографических коллекций, например, в Бурятии и Читинской области. В октябре 1940 г. Г. А. Гловацкий был переведен из Политпросветотдела в Отдел Восточной и Южной Азии на музейную работу. После мобилизации в армию 23 июня 1941 г. Балтийско-Флотский экипаж направил его в 175-ю отдельную зенитную батарею Ладужской военной флотилии. В сентябре 1941 г. он получил первое ранение. В июле 1942 г. Гловацкого списали в 55-ю морскую бригаду, в составе которой он участвовал в боях за прорыв блокады Ленинграда. 25 января 1943 г. под Шлиссельбургом его ранило минным осколком в правое плечо, после чего 22 дня он находился на излечении в эвакогоспитале № 102. Оттуда Гловацкий был направлен в батальон выздоравливающих при 1-м Краснознаменном Балтийско-Флотском экипаже. В июле 1943 г. он попал в стрелковый полк 36-й стрелковой дивизии, затем в 593-й полк 131-й Ропшинской дивизии 2-й Ударной армии, в рядах которой участвовал в снятии блокады Ленинграда. 13 февраля Гловацкий получил касательное ранение в грудь, обморожение 3-й степени двух пальцев левой ноги и ожог 2-й степени правой руки, с 17 февраля по 21 марта 1944 г. он находился на лечении в эвакогоспитале № 88. 12 мая того же 1944 г. экипаж направил его в ленинградский район Службы наблюдения и связи, где Гловацкий был радистом до сентября, оттуда переведен в кронштадтский район Службы. В мае 1945 г. из Кронштадта он был переведен в Померанию, на базу Свинемюнде, где и находился в качестве радиста вплоть до демобилизации в ноябре 1945 г.

23 сентября 1943 г. Г. А. Гловацкий был награжден медалью «За оборону Ленинграда», а 25 октября 1945 г. медалью «За победу над Германией в Великой

Отечественной войне 1941—1945 гг.». Даже в самые тяжелые времена блокады города он поддерживал связь с сотрудниками Института, оставшимися в городе и воевавшими на других фронтах. 24 декабря 1945 г. Гловацкий вернулся в родной Институт на должность старшего научно-технического сотрудника Отдела Восточной и Южной Азии.

В послевоенный период во всей полноте развернулась его плодотворная деятельность как одного из ведущих музейных сотрудников МАЭ. Уже в 1946 г. Г. А. Гловацкий создает здесь выставку «Художественные ремесла Китая по коллекциям XIX в.», в 1948 г. — «Китайские коллекции Кунсткамеры» и в мае 1956 г. — самую большую и одну из лучших экспозиций в МАЭ «Культура и быт народов Китая», действующую и поныне. Гловацкий принимал самое деятельное участие в создании постоянных выставок по народам Японии, Кореи, Монголии, Индии, Индонезии, Вьетнама, большого количества временных выставок в Ленинграде, Москве и других городах страны. В отделе им была проведена громадная учетно-хранительская и библиографическая работа. В течение длительного времени он являлся членом Музейного совета МАЭ. В этом качестве Гловацкий оказывал помощь советом и делом сотрудникам всех отделов при создании выставок. Свой богатый опыт музейной работы он щедро передавал молодежи, к нему часто обращались за советом музейные работники Ленинграда и других городов страны. В 1959 г. Г. А. Гловацкий совершил поездку в КНР для проведения обмена этнографическими коллекциями с Музеем Центрального института национальностей в Пекине, изучения постановки музейного дела и ознакомления с основными центрами китайских художественных ремесел.

В 1966—1977 гг. Гловацкий трудился на ответственном посту главного хранителя МАЭ. После выхода в 1977 г. на пенсию он не порывал связей с родным музеем и Институтом, особенно с сотрудниками-ветеранами войны и труда. Георгий Адамович скончался 11 октября 1986 г. в Ленинграде. Г. А. Гловацкий — известный исследователь китайского ремесла, автор около 20 научных работ. При подготовке тома «Народы Восточной Азии» он подбирал иллюстрированный материал, составлял библиографию и т. д.¹⁵

С 26 июня 1941 г. заведующий отделом учета и хранения И. Я. Треногов прервал очередной отпуск, а с 27 июня был уволен в связи с мобилизацией в ряды РККА с выплатой двухнедельного пособия (приказ № 109 от 26 июня 1941 г. по Институту этнографии).

Илья Яковлевич Треногов родился 2 августа 1903 г. в деревне Ревполье Пинежского уезда Архангельской губернии¹⁶. В 1923—1927 гг. он учился на рабфаке, после окончания которого был сразу принят на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ. Еще студентом Треногов избрал своей специальностью музееведение. В 1930 г. он проходил практику в Отделе фондов МАЭ, в 1931 г. получил диплом об окончании университета со званием «музейный работник, этнограф» и был принят на службу в МАЭ, с 15 февраля 1933 г. Института этнографии АН СССР. Много занимался общественной работой, в мае 1939 г. вступил в кандидаты в члены ВКП(б), а в декабре 1940 г. — в члены партии, в дальнейшем неоднократно избирался секретарем парторганизации. В сентябре 1939 г. Треногов был мобилизован в армию, служил в Белорусском военном округе, но в августе 1940 г. по ходатайству Института этнографии в связи с нуждами Музея был досрочно демобилизован в звании старшего лейтенанта и с 1 сентября того же года назначен заведующим фондами МАЭ.

С началом Отечественной войны он был призван в ряды РККА, служил в железнодорожных войсках Ленинградского, Волховского, Карельского и Резервного фронтов в качестве командира взвода. После окончания войны с Германией был отправлен на Дальний Восток, воевал на 1-м Дальневосточном фронте. С декабря 1945 г. по июль 1946 г. он служил в Приморском военном округе. В июле 1946 г. подполковник И. Я. Треногов был демобилизован. За время войны он получил ордена Красной Звезды (1944 г.) и «Отечественной войны» (1946) и медали «За оборону Ленинграда» (1943 г.), «За победу над Германией» (1945 г.) и

«За победу над Японией» (1946 г.). Все это — свидетельство его боевого пути. После демобилизации с августа 1946 г. И. Я. Треногов вновь возглавил Отдел фондов МАЭ.

С 1 июля 1961 г. приказом директора Института чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова он был назначен Ученым секретарем МАЭ и одновременно ответственным хранителем музейных фондов и руководителем архива. И. Я. Треногов добросовестно относился к своим обязанностям, разработал образцы типовых описей, различные инструкции по учету и хранению музейных коллекций, организовывал хранение фондов МАЭ, провел большую и кропотливую работу по собиранию и классификации материалов по истории Музея и Института, по упорядочиванию архива и т. д. С 1 июля 1966 г. он ушел на пенсию, но продолжал поддерживать самые тесные связи с коллегами, прежде всего с Отделом фондов МАЭ. Последние годы своей жизни Треногов провел в Пушкине в Доме для престарелых ученых. Умер в декабре 1988 г., похоронен на Северном кладбище.

Сергей Николаевич Стебницкий в первые дни войны пришел в военкомат и добился своего зачисления в ряды народных добровольцев¹⁷.

Он родился 19 февраля 1906 г. в Петербурге в дворянской семье. В сентябре 1921 г. он поступил на филологический факультет Петроградского университета, в дальнейшем преобразованный в факультет общественных наук. Здесь на общественно-педагогическом отделении преподавал проф. В. Г. Богораз, который высоко оценил талант своего студента, предложив ему в 1923 г. стать его личным секретарем. Общение с выдающимся сибиреведом много дало становлению Стебницкого как ученого. В университете придавалось большое значение приобретению навыков полевой этнографической работы. Так, в 1923 г. С. Н. Стебницкий побывал в экспедиции в Валдайском уезде Новгородской губернии, во время которой вместе с М. М. Никифоровым собирал частушки, а по итогам написал статью «Изба-читальня». В июле 1925 г. он закончил университет по специальности этнография и лингвистика (народности палеоазиатской группы).

С сентября 1925 г. по июль 1927 г. Стебницкий — ассистент этнографического отделения географического факультета ЛГУ, вел преподавательскую работу. В 1927 г. вышел в свет «Букварь для северных народностей», подготовленный В. Г. Богоразом и С. Н. Стебницким. Букварь начинался обращением «К учителю», в котором, в частности, говорилось: «При составлении букваря были поставлены следующие задачи: 1. Дать ученику материал из северной жизни, знакомой и привычной ему с раннего детства. 2. Научить его при помощи этого материала читать и писать. 3. Научить его русскому языку». С сентября 1927 г. по сентябрь 1928 г. С. Н. Стебницкий находился в командировке по линии Комитета содействия народностям Севера при ЦИК СССР и МАЭ на Камчатке, на восточном берегу р. Кичига, в корякских селах Апука и Кичига. В указанных селах он работал завучем в школе, одновременно изучал диалекты языка, фольклор, быт оседлых и кочевых коряков-оленеводов. После возвращения в Ленинград Стебницкий с октября 1928 г. по октябрь 1932 г. ассистент Историко-лингвистического института, но основной работой его в этот период было преподавание корякского языка в Институте народов Севера.

О собранном на Камчатке богатом и разнообразном корякском фольклоре, о быте корякских детей он доложил на заседании секции детского фольклора РГО (в издании Общества потом вышла в свет даже корякская народная сказка «Мышата»). Активно проявлял себя Стебницкий и как детский писатель, публикуя в 1923—1931 гг. одну за другой такие книги, как «Эгги-охотник», «Летучий нинвит», «Непеуге-делегат», «Пурга», «Школа на тундре». Его произведения пользовались популярностью: они публиковались на страницах известных детских журналов «Чиж» и «Еж» и выходили отдельными изданиями. Можно предполагать, что его деятельность в изучении этнографии корякских детей развивалась и под влиянием известной исследовательницы детского фольклора О. И. Капицы — его близкой родственницы.

С января 1930 г. С. Н. Стебницкий по совместительству начал работать в

Педагогическом институте им. Герцена, сначала в должности ассистента, а с 1934 г. — доцента. В октябре 1932 г. он вновь командировается на Камчатку, где работает заместителем председателя Комитета нового алфавита при Корякском национальном округе и преподавателем корякского языка в окружной совпартшколе. Еще в Ленинграде при участии студентов-коряков под руководством С. Н. Стебницкого началась работа по подготовке учебников на корякском языке, в частности были изданы букварь «Красная грамота», задачки, опубликованы первые переводы с русского художественной, общественно-политической и другой популярной литературы. На Камчатке он руководил практическим внедрением новой письменности. В 1933 г. слушатели совпартшколы выпустили два номера журнала «К новой жизни». Велика роль С. Н. Стебницкого и в подготовке кадров корякской интеллигенции, в формировании корякской литературы. Первые корякские писатели К. Кецай, И. Баранников, Л. Жуков — его ученики. В мае 1934 г. он выезжает, выполнив свою миссию, в Ленинград, продолжает трудиться в Институте народов Севера, в пединституте, в Институте истории, философии и лингвистики.

С начала 1937 г. Стебницкий как специалист по чукотскому, корякскому и ительменскому языкам работает также в Ленинградском отделении Центрального института языка и письменности народов СССР, но в ноябре уходит из него в связи с загруженностью на основной работе в ИНС, где состоял действительным членом лингвистической секции научно-исследовательской ассоциации. В 1937 г. после защиты диссертации ему была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. Им подготовлен ряд исследований по фольклору и этнографии коряков. Некоторые из них, например, «Очерки этнографии коряков» (свыше 10 а. л.) хранятся в архиве МАЭ. Им переведена и подготовлена к печати работа известного сибиреведа В. И. Иохельсона «Коряки». С. Н. Стебницкий тесно сотрудничал с Кабинетом и Отделом Сибири Института этнографии, для которого совместно с Н. Б. Шнакенбургом подготовил статью «Коряки» для четвертомника «Народы СССР»¹⁸. В Отделе Сибири он выступал с научными докладами. Отдавая дань уважения памяти своего учителя В. Г. Богораза, С. Н. Стебницкий вместе со своей супругой Марией Львовной готовил к изданию его книгу «Материальная культура чукчей». Хотя работу успел просмотреть сам автор, издать ее до войны не удалось. Она увидела свет в серии «Этнографическая библиотека» только в 1991 г.¹⁹

В одном из первых своих боев под Ленинградом С. Н. Стебницкий был тяжело ранен и отправлен в госпиталь в Свердловск, где находился на излечении с 1 сентября по 6 октября 1941 г. Из госпиталя его направили в 23-й запасный стрелковый полк, находившийся тогда в Ижевске²⁰. Поправившись, он вновь отправляется на фронт под Волховым. Будучи тяжело раненным в голову, он вновь попадает в один из ленинградских госпиталей. Обстоятельства и дата кончины Стебницкого не известны.

Научное наследие исследователя составляют учебники на корякском языке, записанные им произведения корякского фольклора, материалы по диалектам корякского языка, исследования по языку, фольклору и этнографии коряков. Стебницкий выступал как автор, редактор, составитель, переводчик. Высоко оценивается и его вклад в детскую литературу. «Если Борис Степанович Житков создал в советской детской литературе жанр „географический“, рассказав детям о множестве дальних стран и морей, Виталий Валентинович Бианки раскрыл перед ребятами родную природу не только как художник, но и как натуралист, — писал Л. Капица, — то Сергей Николаевич Стебницкий ввел в советскую детскую литературу совсем особый жанр — „этнографический“. Его книги рассказывают о повседневном быте, занятиях, повериях народа, об его обычаях с такой достоверностью, точностью и яркостью, что юный читатель невольно становится причастным к жизни далекого неведомого для него доселе народа»²¹.

Добровольцем в первые дни войны ушел на фронт сотрудник Института *Игорь Михайлович Лекомцев*²². Он родился 25 августа 1912 г. в селе Люк Болезинской

волости Глазовского уезда Вятской губернии в удмуртской семье. После окончания школы в 1930 г. Лекомцев был направлен комсомольской организацией на учебу в ленинградский Институт истории, философии и лингвистики, этнографическое отделение которого он закончил в 1933 г. по специальности «этнография народов СССР». Уже на первом курсе он часто посещал МАЭ, в 1930 г. в Отделе Южной Америки Музея проходил практику. Во время летних каникул в 1932 г. по собственным полевым материалам Лекомцев составил карту расселения удмуртского рода, что свидетельствовало о его глубоком интересе к этнографии. С 1 сентября по 31 декабря 1933 г. он по договору работал в Отделе фондов, но в дальнейшем увлекся этнографией Индонезии — выполнял большую работу по теме «Рис в религиозных обрядах тораджей на Целебесе», в частности, им была написана статья «Религиозные представления, связанные с обработкой риса у племени тораджей на Целебесе». Лекомцев консультируется у Л. Э. Каруновской и В. А. Чатопадайя, под руководством которого работает над диссертацией «Социально-экономический строй племени тораджей на Целебесе», изучает немецкий, голландский и малайский языки, посещает у А. А. Бусыгина методологический семинар, публикует первые статьи, занимается научно-организационной работой. С 1 ноября 1935 г. он исполнял обязанности секретаря Этнографической секции Института.

В связи с поступлением И. М. Лекомцева в аспирантуру заведующий Кабинетом Индии, Индонезии и Дальнего Востока В. А. Чатопадайя писал в августе 1935 г.: «Он очень интересуется научной работой, главное же политически и методологически он является более развитым, чем некоторые старшие научные работники Института. Я твердо убежден, что из него выйдет серьезный научный работник, и я считаю нужным дать ему возможность для систематического пополнения знаний. Поэтому я горячо рекомендую его для принятия в аспирантуру». 15 октября 1935 г. он был зачислен аспирантом АН СССР, но уже с 1 июля 1936 г. отчислен из нее в виду ликвидации вузовской аспирантуры. С 1 сентября 1936 г. Лекомцев зачислен на должность научного работника Института антропологии и этнографии АН СССР. Он продолжал свои занятия индонезийской этнографией: писал диссертацию, регистрировал музейные коллекции. После ареста его научного руководителя Лекомцев перестал заниматься зарубежной этнографией, но продолжал изучать культуру и быт удмуртов, чем занимался в предыдущие годы. Им была написана статья «Удмурты» для справочника «Народы СССР». С 1938 г. он научный сотрудник Кабинета Европы и Кавказа, ответственный секретарь однотомника «Этнография народов СССР». С 4 августа 1939 г. Лекомцев становится аспирантом очной аспирантуры: под руководством чл.-корр. АН СССР проф. Д. К. Зеленина он заканчивает диссертацию на тему «Колонизация и миссионерская деятельность среди удмуртов». Наряду с целенаправленной успешной работой в науке²³ он много занимается общественной и организационной работой: он комсорг Института, активный член ВКП(б) с апреля 1938 г., инспектор Ленинградского отделения Управления подготовки научных кадров АН СССР, слушатель Высшей партийной школы при ЦК партии, а в предвоенный период заведующий отделом агитации и пропаганды Приморского РК ВКП(б) Ленинграда. Из райкома в первые же дни войны Лекомцев добровольцем ушел на фронт, хотя и был «белобилетником». 25 октября 1941 г. в боях в районе Голубой дачи недалеко от Всеволожска под Ленинградом он погиб. Хотя в последние годы И. М. Лекомцев работал в других учреждениях, он сохранял тесные научные связи с родным Институтым, поэтому его имя по праву значится на Доске памяти, которая висит в МАЭ.

Из города Куйбышева в ряды Красной Армии пошел еще один бывший сотрудник Института *Нестор Константинович Каргер*²⁴. Он родился 9 ноября 1904 г. в селе Ровное Ново-Узенского уезда в Нижнем Поволжье. После окончания факультета общественных наук ЛГУ в 1927 г. Каргер был оставлен при факультете в качестве ассистента этнографического отделения и одновременно преподавал национальные языки на северном факультете Ленинградского Восточного

института. В 1926 и 1927 гг. выезжал в экспедиции на Дальний Восток, работал у гольдов и ульчей, первые его научные работы были посвящены этнографии гольдов. В 1931 г. он направился на Енисей к кетам. Теперь его исследовательские интересы связаны с изучением этой загадочной северной народности. В результате Каргером были собраны и переданы в МАЭ три ценные этнографические коллекции по указанным народам (около 750 предметов) и две иллюстративные коллекции (свыше 400 негативов и отпечатков). В начале 1932 г. по распределению он попадает в МАЭ и работает в должности научного сотрудника 2-го разряда. 31 января 1932 г. Комитет Севера на основе решения 1-й Всесоюзной конференции по развитию языков и письменностей народов Севера направляет в Институт следующую просьбу: Н. К. Каргер являлся ученым секретарем научно-исследовательской ассоциации, «на которую помимо других задач возложена организация всех работ по изучению языков и подготовке рукописей по специальному плану изданий для народов Севера», поэтому Комитет предлагает МАЭ освободить Каргера от занимаемой должности и принять меры к его немедленному переводу в Институт народов Севера. На новом месте ему поручается подготовка кетского букваря, он активно работает по совершенствованию кетской письменности. В 1934 г. им был издан букварь на кетском языке с применением латинской графики, опубликовано обстоятельное исследование о языке кетов²⁵. Н. К. Каргер был привлечен также к разработке селькупской письменности и подготовке учебников на ней.

Но плодотворная научная и научно-организационная деятельность ученого внезапно была приостановлена: 8 марта 1935 г. к нему пришли с арестом по политическим мотивам. Постановлением особого совещания при НКВД от 9 марта 1935 г. Н. К. Каргер как бывший дворянин и социально-опасный элемент был выслан из Ленинграда с запрещением проживать в 15 пунктах страны²⁶. 15 августа 1935 г. указанное постановление было изменено, и Н. К. Каргеру было запрещено проживать только в Ленинграде в течение трех лет. Он по своему выбору поехал жить сначала в Омск, затем в Тюмень. Через некоторое время Каргер отправляется работать в системе Главсевморпути в Ямальский округ. Он был определен на службу в качестве краеведа Ямальской культбазы в поселке Ярсале Ямало-Ненецкого национального округа. Ему поручалось изучение неуставных отношений объединений по оленеводству и охотничьему промыслу, проведение бюджетного обследования четырех кулацких, шести середняцких и пяти бедняцких хозяйств, изучение остатков родового строя (родовые угоды, имущественные и семейные отношения, все формы разделения труда и т. д.). В связи с окончанием сроков договоров Н. К. Каргер был освобожден от работы на базе с 15 июля 1937 г. Очевидно, еще до этого пред ним встал вопрос о выборе места жительства.

Тяжелым ударом по его планам, безусловно, было решение Особого совещания от 26 апреля 1937 г., запрещавшее ему в течение трех лет и проживание в Москве. Итак, центры отечественного сибиреведения Ленинграда и Москвы оказались для него закрыты. Шел 1937 г. Можно предположить, что, подорвав здоровье на Севере (он тяжело переболел цингой), Каргер решил поехать на родину, на Волгу, к родным в Куйбышев. Именно здесь его застала война. Отсюда Фрунзенским райвоенкоматом он был призван в ряды Красной Армии. После окончания курсов младших лейтенантов и перенесенной дизентерии и алиментарной дистрофии в октябре 1942 г. он попал в эвакогоспиталь № 3087, из которого 2 февраля 1943 г. выбыл в отпуск на 30 дней. Сведениями о дальнейшей судьбе Н. К. Каргера я не располагаю. Среди коллег-сибиреведов бытует мнение, что он погиб в боях на Курской дуге, но документальных подтверждений тому пока нет.

После моих настойчивых попыток что-то узнать о судьбе Н. К. Каргера в 1935—1937 гг. его дело было направлено в прокуратуру для решения вопроса о его реабилитации. Решением прокуратуры Ленинграда от 11 октября 1991 г. Н. К. Каргер был реабилитирован.

В начале июля 1941 г. многие научные работники стали подавать заявления о добровольном вступлении в ряды Красной Армии. В архиве Музея Санкт-Петербур-

бургского университета мне удалось познакомиться с документом, редко встречающимся в академических архивах. Думаю, что для понимания атмосферы патриотического порыва и осознания необходимости личного вклада в достижение скорой победы важно познакомиться с ним, а потому позволю себе привести его полностью:

«Декану Истфака ЛГУ

копия Директору ИИМК им. Марра Академии Наук СССР

Ушли добровольцами в Красную Армию мои два сына Олег и Лев — только что окончившие ЛГУ. Ушел добровольцем также и муж моей дочери, студентки ЛГУ Ольги, также только что окончившей ЛГУ. От этих моих детей остались внук и внучка, о которых, надеюсь, позаботится наше государство. Только что возвратившись из командировки, прошу и меня зачислить добровольцем в Красную Армию.

Мои военные данные. Родился в 1894 г. В мае 1916 г. как студент был мобилизован в Армию и находился в Михайловском артиллерийском училище, каковое окончил в декабре 1916 г. Был выпущен в чине прапорщика артиллерии. С декабря 1916 г. по сентябрь 1917 г. сражался на германском фронте Молодечно — Медель... Последняя должность — старший офицер батареи, последний чин — поручик. С августа 1918 года по декабрь 1920 г. находился в рядах Красной Армии. Сражался на Карело-Финском фронте в марте-апреле 1919 г., на фронте против Юденича по обороне Петрограда в октябре-ноябре 1919 г., с мая 1920 г. стоял с батареей на фронте против Финляндии. Должность в Красной Армии — командир батареи, командир арт. дивизиона. В декабре 1920 г. был уволен из Красной Армии по болезни со снятием с учета военнообязанного.

Все сказанное могу подтвердить документом. В декабре 1940 г. был переосвидетельствован и призван ограниченно-годным (на нестроевую службу). Думаю, что могу быть еще полезным артиллерии Красной Армии.

Профессор истфака ЛГУ, доктор исторических наук Вл. Равдоникас.

Ул. Халтурина, 11, кв. 96»²⁷.

*Владислав Иосифович Равдоникас*²⁸ родился 10 декабря 1894 г. в г. Тихвине. После революции он активный деятель Коллегии по охране и использованию культурно-образовательных имуществ, с июня 1919 г. — директор уездного краеведческого музея, организует краеведческую работу. В 1918 г. он поступил в Петроградский университет, в 1923 г. закончил факультет общественных наук по новой тогда специализации — археологии под руководством известного археолога А. А. Спицына. Равдоникас увлекся научной работой. Поэтому когда ему в 1922 г. рекомендовали переехать в Череповец и сосредоточиться на партийной печати (этим Равдоникас попутно занимался в Тихвине), он не только не принял этой рекомендации, но в целях обретения свободы действий в конце концов решил выйти из партии. Молодой ученый увлеченно работал как археолог, этнограф, краевед, музеевед; круг его научных интересов уже тогда был довольно широк. У него рано проявился интерес к изучению родного края. Уже в 1925 г. Равдоникас занимался раскопками курганов в южной части Тихвинского уезда, участвовал в работе Тихвинского отделения Новгородского общества любителей древностей, собирал историко-этнографические материалы о вепсах, живших в северных районах уезда. По его инициативе и при его участии было выпущено 10 брошюр по природе, истории и хозяйству Тихвинского края. «Как сделавшего ценный и многосторонний вклад в дело изучения Тихвинского края своей неустанной работой и печатными трудами» местные краеведы в 1928 г. избрали В. И. Равдоникаса своим почетным членом.

Значительное место в его деятельности занимала в тот период педагогическая практика: с 1921 г. он преподавал педагогику, социологию, методику общественно-воспитания и другие предметы в Педагогическом техникуме, заведующим которого являлся. Затем последовали работа в Гдове и наконец переезд в 1928 г. в Ленинград. Здесь в полной мере проявились научные и организаторские способности В. И. Равдоникаса. Его учитель А. А. Спицын еще в 1927 г. предсказывал

большое будущее своему ученику: «Русская археология в лице В. И. Равдоникаса будет иметь со временем весьма полезного деятеля». В 1928—1929 гг. он принимал активное участие в работе МАЭ. Директор МАЭ акад. Е. Ф. Карский и секретарь Д. А. Ольдерогге от имени МАЭ рекомендовали В. И. Равдоникаса в аспирантуру Академии наук СССР, в которой он обучался в 1929—1931 гг.

Поступив после окончания аспирантуры в ГАИМК, он становится одним из ведущих его научных сотрудников. С 1931 г. Равдоникас профессор ЛГУ. С 1934 г. он штатный научный сотрудник Археологического отдела МАЭ. Уникальные материалы Оленеостровского могильника, раскопанного в 1936—1938 гг., были украшением именно этого музея. Археологические коллекции, добытые В. И. Равдоникасом в различных экспедициях, довольно точно характеризуют основные этапы полевой и научной деятельности ученого. Будучи сотрудником Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, он стал одним из создателей журнала «Советская археология». Его статьи печатались как в этом журнале, так и в изданиях ГАИМК — ИИМК. В 30-е годы В. И. Равдоникас — один из наиболее политизированных археологов, убежденно борющихся за утверждение марксистской идеологии в археологической науке, против принципов буржуазной археологии. Им был опубликован ряд трудов, не потерявших своего значения и в наше время²⁹. Велик вклад В. И. Равдоникаса в постановку и развитие археологического образования, подготовку молодых кадров. На основе лекционного курса он написал ценный учебник по истории первобытного общества.

После начала войны В. И. Равдоникас предпринял попытку вступить добровольцем в армию, но был оставлен на работе в университете, с которым в 1942—1944 гг. находился в эвакуации в Саратове. В 1942 г. Владислав Иосифович потерял на войне сына Льва. Вернувшись в Ленинград, он успешно продолжал научную, экспедиционную и педагогическую деятельность. В конце 40-х годов ученый был подвергнут критике, во многом несправедливой, болезненно пережил ее и в конце концов отошел ото всех дел. И это несмотря на то, что в 1946 г. он избирается членом-корреспондентом АН СССР и членом Норвежской Академии Наук, ему тогда было чуть больше 50 лет. В. И. Равдоникас замкнулся и общался с очень узким кругом лиц. Умер он 28 ноября 1976 г. в Ленинграде и похоронен на кладбище в Комарово. Некрологов в ведущих журналах по его специальности, т. е. в «Советской археологии» и «Советской этнографии» не появилось. 19—21 декабря 1994 г. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербургский Государственный университет, Институт истории материальной культуры РАН, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей, областной музейный центр провели в Санкт-Петербурге международную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения профессора Владислава Иосифовича Равдоникаса, воздав должное его памяти³⁰.

4 июля 1941 г. в Институте был обнародован приказ за № 109: «§ 1. В связи с уходом старшего научного сотрудника Н. П. Никульшина добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. и компенсацию за неиспользованный отпуск. § 2. В связи с уходом старшего научного сотрудника Г. Д. Вербова добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 3. В связи с уходом аспиранта Н. Б. Шнакенбурга добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 4. В связи с уходом младшего научного сотрудника Д. Н. Лева добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 5. В связи с уходом помощника директора по административно-хозяйственной части Ф. Б. Шапиро добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 6. В связи с уходом заведующего отделом Сибири Г. Н. Прокофьева добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 7. В связи с уходом младшего научного

сотрудника А. Н. Нечаева добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г.»³¹.

Следует обратить внимание, что в приказе ничего не говорилось об отчислении этих сотрудников из штата Института. Словно речь шла об отъезде в командировку с выплатой аванса...

Николай Петрович Никульшин родился в феврале 1908 г. в селе Моховое Рязанской губернии в русской крестьянской семье³². В 1925—1926 гг. он, вступив в комсомол, занимался ликвидацией неграмотности в Рязанской области. С 1 сентября 1927 г. по 30 декабря 1930 г. учился на этнографическом отделении 1-го МГУ, получил специальность этнографа-антирелигиозника. С 9 января 1931 г. по 28 сентября 1934 г. Никульшин работает среди эвенков, заведует краеведческим пунктом в поселке Тура Эвенкийского национального округа Красноярского края, активно участвует в общественной жизни округа, проводя генеральную линию партии. В 1932 г. он стал кандидатом в члены ВКП(б), но окружком даже не рассматривал вопрос о его приеме в партию как служащего (по мотивам регулирования социального состава партийных рядов). Никульшин продолжает заниматься наукой. Постоянно общаясь с эвенками, он изучил эвенкийский язык и самостоятельно овладевал немецким. Кочуя по необозримым просторам Эвенкии, исследователь собрал там значительный этнографический материал. В ноябре 1934 г. он поступил в аспирантуру Института народов Севера. 15 мая 1938 г. состоялась защита им кандидатской диссертации на тему «Первобытные производственные объединения и их роль в социалистическом строительстве у эвенков».

С 24 июля 1938 г. Н. П. Никульшин — младший, а после утверждения в ВАК с 1 марта 1939 г. — старший научный сотрудник Института этнографии. Здесь его вскоре назначают редактором и заместителем председателя бюро однотомника «Этнография народов СССР», для которого Никульшин написал статью «Эвенки», «Эвены», «Негидальцы». Для сибирского тома серийного издания «Народы СССР» он совместно с аспирантом Института А. П. Козловским подготовил статью «Эвенки». Н. П. Никульшин задумал создать монографию «Эвенки» и с этой целью в 1940 г. предпринял полугодовую поездку к разным группам эвенков. Однако его экспедиция была прервана. Директор Института В. В. Струве сообщал телеграммой, что в связи с рабочей необходимостью Никульшину следует вернуться в Институт. Работа исследователя была высоко оценена заведующим отделом Сибири Г. Н. Прокофьевым. Несколько лет Н. П. Никульшин состоял секретарем Кабинета Сибири, а в феврале 1941 г. был назначен заместителем заведующего Отделом Сибири. В 1940 г. он кандидат в члены ВКП(б), много занимается общественной и научно-организационной деятельностью (очевидно, поэтому список опубликованных им работ невелик)³³.

Через месяц после начала Великой Отечественной войны под Ленинградом возводил вместе с тысячами других жителей города оборонительные сооружения. С 14 августа 1941 г. его отчислили из штата сотрудников Института в связи с мобилизацией в ряды РККА, а 23 декабря 1941 г. появился приказ № 234: «Дирекция Института этнографии с глубоким прискорбием извещает о том, что бывший старший научный сотрудник Отдела Сибири кандидат исторических наук Никульшин Николай Петрович в бою за социалистическую родину погиб 18 ноября 1941 года». Похоронен Н. П. Никульшин в деревне Рамены Волховского района Ленинградской области.

Григорий Давыдович Вербов родился 29 мая (11 июня) 1909 г. в г. Москве³⁴. Еще будучи учеником Тенишевского училища на Моховой в Петрограде, он увлекся Севером и занимался в кружке естественных наук. В 1925 г. во время каникул он устроился в Архангельске матросом на пароход «Русаков» и совершил поездку на Новую Землю, где заканчивал зимовку его отец. Романтическая увлеченность красотами Севера привела молодого человека в Институт народов Севера, но желание изучать этнографию заставило его перейти на этнографическое отделение Ленинградского института истории, философии и лингвистики.

Здесь он обрел учителя в лице увлеченного изучением исторических судеб самодийских народов Г. Н. Прокофьева. Выбор сделан — он будет специализироваться в области самоедологии. Летом 1926 г. Вербов занимался отграничением зоны затопления Волховского гидростроительства. Зимой 1930—1931 гг. по направлению Комитета Севера он стал заведующим 10-м Большеземельным красным чумом.

В июне 1931 г. Г. Д. Вербов закончил Институт, получив специальность этнографа и лингвиста по музееведению и краеведческой работе. С февраля он преподавал самоедский язык в ИНС, однако вскоре после окончания учебы уехал в Нарьян-Мар, где в течение 1931/1932 учебного года работал заведующим учебной частью Ненецкого комплексного техникума и преподавал ненецкий язык и экономическую географию. В марте-мае 1932 г. Вербов принимал участие в ликвидации неграмотности среди жителей тундры, преподавал ненецкий язык и письменность. С 21 июля 1932 г. он преподаватель Института народов Севера и одновременно редактор ленинградского отделения Учпедгиза по финно-угорским и самоедским языкам. В феврале 1934 г. в связи с учебой в аспирантуре и преподаванием ненецкого языка в Ленинградском Государственном педагогическом институте им. Герцена (1 сентября 1933 г.— 1 сентября 1935 г.) Вербов прекратил свои редакторские занятия. В аспирантуре (1 октября 1932 г.— 1 декабря 1935 г.) под руководством Г. Н. Прокофьева он изучал особенности диалекта лесных ненцев пянхасово, интересовался особенностями этнической истории, быта и культуры этой группы. Вербов установил близость этого диалекта с языками энцев и нганасанов и наличие в нем сильного влияния языка хантов (последнее объяснялось регулярными смешанными браками членов четырех родов пянхасово — Айнаседа, Иуши, Вэлла и Пяк — с хантами). Он обнаружил также связи диалекта лесных ненцев с языком камасинцев, живших прежде на Саянском нагорье, что дало ему возможность установить глубинные этногенетические связи. Проф. В. Г. Богораз-Тан, ценивший работы молодого ученого, рекомендовал его к принятию в Союз научных работников. 11 декабря 1935 г. квалификационная комиссия Комитета по заведыванию учебными учреждениями ЦИК СССР утвердила Г. Д. Вербова в ученой степени кандидата лингвистических наук по специальности «самоедские языки» и в ученом звании старшего научного сотрудника.

В первой половине 30-х годов Г. Д. Вербов перевел с русского на ненецкий учебник арифметики для второго класса, совместно со студентом-ненцем Николаем Собриным — свою брошюру «Красный чум» и книжку для детей Е. Чарушина «Звери жарких стран», вместе с Г. Н. Прокофьевым отредактировал перевод книги Я. Кошелева «Что такое оленеводческий совхоз». По решению вышестоящих органов Г. Д. Вербов 20 декабря 1935 г. был послан на Север, где работал по 10 ноября 1938 г. ученым секретарем Комитета нового алфавита Ямало-Ненецкого округа Омской области. Помимо практической деятельности он занимался ненецко-русским словарем, собиранием ненецкого фольклора, материалов по языку и этнографии ненцев. За свою образованность получил у ненцев прозвище «Паднана луца», что означает «Самый знающий русский», «Пишущий (бумажный) русский». С марта 1938 г. Г. Д. Вербов начинает работать в Институте этнографии АН СССР сначала временным сотрудником и по договору, а с 1 апреля 1939 г. — старшим научным сотрудником. 24 октября 1940 г. он назначен заведующим Отделом Сибири, а с 17 февраля 1941 г., в связи с введением новой структуры Института, — заместителем заведующего Отделом Сибири. ВГО избрало Вербова своим действительным членом. В Институт его рекомендовал Г. Н. Прокофьев, высоко отзывавшийся о заслугах и научном потенциале своего бывшего ученика. Основной нагрузкой нового сотрудника была подготовка статьи «Ненцы» для тома «Народы Сибири» четырехтомного издания «Народы СССР». Им была предложена новая этимология названия древней Мангазеи (от слова «монкаси йа», что на энецком языке означает «Земля племени монкаси»). Вербов готовил к изданию труд Василия Зуева, который вышел в свет уже после войны.

Также после войны были опубликованы детские ненецкие загадки, корректуру которых еще до войны подготовил Вербов³⁵. Неизданные работы исследователя как самостоятельный фонд хранятся в архиве МАЭ³⁶.

С фронта Г. Д. Вербов писал письма, в том числе своей ученице Л. В. Васильевой (Хомич). Вот две выдержки из них: «Иногда так размечаешься, что кажется, словно холод, забирающийся за ворот, ползет от основания шестов чума, из „ханэо“, кажется, что сейчас послышится привычный стук, который производят олени, ударяя рогами о рога, когда подерутся, бродя ночью возле чума в поисках деликатесов. Стук раздаётся, но он громче и суше — разорвался очередной немецкий снаряд». «Как бы мне хотелось дожить до того времени, когда я смогу претендовать на участие в давно задуманном мною и проектируемом сейчас деле». На кончину своего учителя Г. Н. Прокофьева он откликнулся так: «Осиротела наша отрасль науки. Много нужно работать, чтобы восполнить образовавшуюся брешь».

24 декабря 1941 г. старшина Г. Д. Вербов — старший научный сотрудник Отдела Сибири — передал директору Института этнографии заявление следующего содержания: «Не имея возможности обратиться к Вам лично, я настоящим прошу Вас о нижеследующем. Находясь на фронте, я не могу оказать никакой непосредственной помощи моим родителям, испытывающим крайние трудности вследствие отсутствия топлива для обогрева комнаты и приготовления горячей пищи. Поиски топлива для них крайне затруднительны (матери 70 лет, отцу 61 год). Прошу оказать возможное содействие моему отцу Давыду Федоровичу Вербову в получении хотя бы небольшого количества дров, досок, ящиков или каких-нибудь других материалов, пригодных для отопления»³⁷. Родители Г. Д. Вербова погибли в блокадном городе. Приехав однажды в Ленинград, он пришел к сестре с драгоценным подарком — вязанкой дров. На фронте Г. Д. Вербов стал кандидатом в члены ВКП(б). 22 июня 1942 г. Институт обратился в Отдел комплектования Штаба Ленинградского фронта с ходатайством о демобилизации Г. Д. Вербова как уникального специалиста, но получил отказ³⁸. Да и само ходатайство запоздало: к тому времени Григорий Давыдович уже был похоронен в братской могиле на станции Понтонная Ленинградской области. 4 июля 1942 г. его сестра О. Д. Шелингер прислала из Свердловска в Институт письмо: «Глубокоуважаемый т. директор! Не знаю, известно ли Вам, а потому извещаю, что брат мой и Ваш быв. ст. научный сотрудник Вербов Григорий Давыдович, находящийся с начала войны в рядах РККА в качестве добровольца, был ранен и умер от ран. О чем я получил офиц. извещение из части, где он служил (ппс 506 521-я отд. рота связи) от 12.VI с. г.

В честь светлой памяти моего брата, отдавшего свою жизнь за родину, а прежде отдававшего все силы и знания на пользу советской науки, прошу Вас взять все имеющиеся в его квартире книги и экспонаты, представляющие научную ценность и передать их ин-ту этнографии Ак. Наук. Ключи от комнаты брата находятся у писателя Груздева³⁹, прожив. по кан. Грибоедова д. 9 кв. 13 тел. А 102-80; я очень прошу Вас, свяжитесь с т. Груздевым Ильей Александр. или его супругой, у которых имеется доверенность на распоряжение имуществом Г. Д. С ним уже договоритесь о ликвидации его имущества. Буду оч. благодарна, если поможете т. Груздеву всем, чем можете.

Домашний адрес Григория Давыдовича ул. Пестеля д. 7 кв. 7; в своем письме к Груздеву пишу ему, что все ценные для науки и др. предметы, принадлежавшие Г. Д., прошу передать ин-ту этнографии Академии Наук.

С приветом О. Шелингер.

Р. S. Очень прошу сообщить мне о результатах переговоров с т. Груздевым и что Вами будет предпринято»⁴⁰.

По данным Василеостровского райвоенкомата Петербурга красноармеец Г. Д. Вербов погиб 6 июня 1942 г.⁴¹.

(Продолжение этой части в следующем номере)

- ¹ Цит. по: Изв. ВГО. Т. 75. Вып. 6. М., 1943. С. 5.
- ² О А. В. Мачинском см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 144, 406; Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 424; Оп. 5. Д. 209; Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992. С. 27; *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб., 1992. С. 426; Запись беседы с сыном А. В. Мачинского Д. А. Мачинским от 3 сентября 1993 г. хранится в архиве автора.
- ³ Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 424. Л. 20.
- ⁴ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 207. Л. 78.
- ⁵ Там же. Л. 57.
- ⁶ Там же. Л. 79, 81.
- ⁷ Там же. Л. 84.
- ⁸ *Мачинский А. В.* Переписка Ж. Ф. Шампольона с А. Н. Лениным//Проблемы истории до-капиталистических обществ. 1934. № 4. С. 72—89; *его же.* Новейшая литература по археологии Мексики и Гватемалы//Сов. этнография. 1934. № 3. С. 114—118; *его же.* A propos de la gamme musicale egyptienne//Сб. кружка по изучению древнего Востока при Государственном Эрмитаже. Л., 1935. № 2 (9). С. 11—25; *его же.* Две заметки о технике древне-египетского земледелия//Архив истории науки и техники. М.; Л., 1935. Т. VI. Сер. 1. С. 279—285; *его же.* Несколько новых книг по археологии и истории Центральной Америки//Сов. археология. 1936. № 1. С. 291—302; *его же.* Новая литература по этнографии Центральной Америки//Сов. этнография. 1936. № 6. С. 145—152; *его же.* Marshal H. Saville (1868—1935). Некролог//Сов. археология. 1937. № 3. С. 229—233; *его же.* Древние мексиканские пирамиды//Наука и техника. Л., 1938. № 11. С. 12; *его же.* Древнее Перу//БСЭ. Т. 45. 1940. Стлб. 212—215; *его же.* Две новых псевдопалеолитических находки в Америке//Сов. археология. 1940. № 5. С. 305; *его же.* Археологическая мексиканская коллекция//Там же. С. 305; *его же.* Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика//Материалы и исследования по археологии СССР. 1941. № 3. С. 317—324; *его же.* Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове//Краткие сообщ. Института истории материальной культуры. Вып. 9. 1941. С. 80—89; *его же* (совм. с А. П. Кругловым и П. Н. Третьяковым). Деревня Матакюля 1935—1936 гг.//Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936. М.; Л., 1941. С. 18.
- ⁹ О М. В. Евстратове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5, 272, 392. Д. 426. Л. 29; Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 16.
- ¹⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 35.
- ¹¹ О И. И. Сазонове см.: Там же. Оп. 5. Д. 343; 426. Л. 80.
- ¹² О П. Д. Рыжакове см.: Там же. Д. 341; 426. Л. 76.
- ¹³ О А. А. Савиниче см.: Там же. Оп. 5. Д. 342; 426. Л. 79.
- ¹⁴ О Г. А. Гловацком см.: Архив МАЭ. Личное дело; *Решетов А. М.* История формирования коллекций и изучение народов Зарубежной Азии в МАЭ//Сб. МАЭ. Т. 35. Л., 1980. С. 105—106; *Вологодина В. Н.* Из истории Кунсткамеры: Музейные работники в годы войны и блокады//Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 183.
- ¹⁵ *Гловацкий Г. А.* (сов. с Н. В. Кюнером). Выставка китайского лубка//Сов. этнография. 1952. № 1. С. 196—200; *его же.* Экспозиция «Культура и быт народов Китая» в Музее антропологии и этнографии АН СССР//Там же. 1957. № 2. С. 172—178; *его же* (совм. с Р. Ф. Итсом). Парадный костюм китайского генерала из собрания Кунсткамеры. (К истории китайской армии XVIII—XIX вв.)//Сб. МАЭ. Т. 17. М.; Л., 1957. С. 215—237; *его же.* Поездка в Китайскую Народную Республику (Заметки этнографа)//Сов. этнография. 1959. № 5. С. 164—167; *его же* (совм. с Э. Е. Фрадковым). Китайский старинный лубок. Комплект открыток. Текст. Л., 1959; *его же.* Китай//Восточная Азия. Краткий путеводитель по экспозиции МАЭ. М.; Л., 1964. С. 3—15; *его же.* Ремесла китайцев//Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 219—232; *его же.* Новая экспозиция «Культура и быт населения Японии в МАЭ»//Сов. этнография. 1970. № 3. С. 162—175.
- ¹⁶ О И. Я. Треногове см.: Архив МАЭ. Личное дело; Октябрьская фронтовая. Воспоминания о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Л., 1970. С. 376; *Чивилев М. Г. и др.* Магистрали бесстрашных. Л., 1971. С. 58, 59, 86.
- ¹⁷ О С. Н. Стебницком см.: ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 5. Д. 130; *Капица Л.* Из истории одной русской семьи//Народное образование. 1991. № 7. С. 102—111; *Овчинникова Г. В.* Жизнь и судьба С. Н. Стебницкого (методико-библиографический материал). Палана, 1992.
- ¹⁸ *Стебницкий С. Н.* Изба-читальня. Старый и новый быт/Ред. сб. проф. В. Г. Тан-Богораз. Л., 1924. С. 105—116; *его же.* Коряцкие дети//Советский Север. 1930. № 4. С. 39—47; *его же.* Эпи-охотник. М.; Л., 1930; *его же.* Летучий нинвит. М.; Л., 1930; *его же.* Непеуге-делегат. М.; Л., 1930; *его же.* Пурга. М.; Л., 1931; *его же.* У коряков на Камчатке//Библиотека журнала «Дружные ребята». М., 1931; *его же.* Школа на тундре. М.; Л., 1932; *его же.* (рец.) Билибин Н. Н. Обмен у коряков. Л., 1930. 40 с.//Сов. этнография. 1935. № 4—5. С. 242—243; *его же.* Перевод на русский язык нымыланской (корякской) книги для чтения, составленной Кецаем Кеккетыном. В помощь учителю нымыланской (корякской) школы. М.; Л., 1936; *его же.* Чавачаванские и нымыланские (корякские) сказки. Изд. 2-е, исправленное по новой орфографии нымыланского (корякского) языка//Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 287—307; *его же.* Автобиография нымыланов//Сб. статей. «Сов. этнография». 1938. № 1. С. 76—79; *его же.* Нымыланы-алюторцы. (К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков)//Там же. С. 129—144; *его же.* Очерки по языку и фольклору коряков. СПб., 1994; *его же.* Алюторский диалект нымыланского (корякского) языка//Сов. Север. Л., 1938. № 1. С. 65—102; *его же.* Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова (к вопросу о происхождении карагинского диалекта нымыланского (корякского) языка в свете лингвистических материалов С. П. Крашениннико-

ва) // Там же. 1939. № 2. С. 129—170; *его же*. Из истории падежных суффиксов в корякском и чукотском языках. Л., 1941; *Антронова В. В.* Коряки (в основу описания дореволюционного быта положена статья С. Н. Стебницкого и Н. Б. Шнакенбурга) // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 950—977; *ее же*. Представления коряков о рождении, болезни и смерти (на основе материалов В. Иохельсона и С. Н. Стебницкого) // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1970. С. 254—267.

¹⁹ *Богораз В. Г.* Материальная культура чукчей. Авторизованный пер. с англ. / Отв. редактор, автор послесловия и примечаний И. С. Вдовин. М., 1991.

²⁰ Справка Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ. Архив военно-медицинских документов. 6-й отдел. 21 декабря 1994 г. Справка хранится в архиве автора.

²¹ *Капица Л.* Указ. раб. С. 110.

²² О *И. М. Лекомцеве* см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 139, 203; Ф. 222. Оп. 2. Д. 836, 1035; Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 522. О семье *Лекомцевых* см.: *Костицына Т. Я.* Твой, революция. Ижевск, 1991. С. 87—96.

²³ *Лекомцев И. М.* Хлебобобы восточных островов Азиатского архипелага. (По материалам Музея Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР) // Сов. этнография. 1935. № 3. С. 59—70; *его же*. Обзор этнографических работ по Советскому Союзу за 1935 г. по газетным сообщениям // Там же. 1936. № 1. С. 101—105; *его же*. Этнографическая секция Ин-та антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Там же. С. 142—143; *его же*. Поездка в Удмуртскую АССР // Там же. С. 155—157; *его же*. Первая марийская научная языковедческая конференция // Там же. 1937. № 1. С. 172—174; *его же*. Социалистическое строительство среди народов Поволжья // Там же. 1937. № 2—3. С. 3—14; *его же*. Центральный музей краеведения Удмуртской АССР // Там же. С. 122—124; *его же*. А. И. Герцен о вятских удмуртах и марийцах // Там же. 1937. № 4. С. 134—136.

²⁴ О *Н. К. Каргере* см.: ПФА РАН. Ф. 4, Оп. 4. Д. 2823; Салехардский государственный архив Тюменской области. Ф. 22. Оп. 1 л/с. Д. 2, 3, 5, 7; Письмо Управления по Ленинградской области КГБ СССР от 8 октября 1991; ответ прокуратуры г. Санкт-Петербурга от 6 сентября 1993 г.; Справка 6-го отдела Архива Военно-медицинских документов Военно-медицинского музея от 3 июля 1993 г. Материалы хранятся в архиве автора.

²⁵ *Каргер Н. К.* Классификационная система родства у гольдов // Сб. этнографических материалов. Изд. этнографического отделения ЛГУ. Л., 1927. № 2. С. 26—34; *его же*. (рец.) Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарские. Опыт этнографического исследования... Владивосток, 1922 // Этнография. 1928. № 1. С. 139—141; *его же*. Отчет об исследовании родового состава населения бассейна р. Гарина // Гарино-Амгунская экспедиция 1926 г. Предварительный отчет Н. К. Каргера и И. И. Козьминского. Известия Комитета по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран. Вып. 3. Л., 1929. С. 3—24; *его же*. Гиляки // БСЭ. Т. 16. М., 1929. Стлб. 485—488; *его же*. Оленеводство у енисейцев (кет) // Сов. Север. 1930. № 6. С. 28—38; *его же*. В. К. Арсеньев // Там же. 1931. № 1. С. 135—137; *его же*. Родовой состав ульчей // Там же. 1931. № 5. С. 110—125; *его же*. Кетский язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. Языки и письменность палеоазиатских народов. М.; Л., 1934. С. 223—238; *Karger N. K.* Vukvar. Л., 1934. (на кет. яз.).

²⁶ Как говорится, неисповедимы пути Господни... Родной брат его, Михаил Константинович Каргер (1903—1976), понятно, того же социального происхождения, остался спокойно работать в Ленинграде, защитил докторскую диссертацию, возглавлял Ленинградское отделение Института археологии АН СССР и кафедру истории искусств исторического факультета ЛГУ. О нем см.: *Кирпичников А. Н.* М. К. Каргер (некролог) // Сов. археология. 1977. № 3. С. 333—334.

²⁷ Архив Музея СПбГУ.

²⁸ О *В. И. Равдоникасе* см.: ПФА РАН. Ф. 1049. Будущему исследователю научной и общественной биографии Равдоникаса можно только пожелать успешной работы над материалами его обширного фонда. См. также: *Столяр А. Д.* Деятельность В. И. Равдоникаса // Тивинский сб. Тихвин, 1987. С. 8—25.

²⁹ *Равдоникас В. И.* Доисторическое прошлое Тихвинского края // Тихвинский край. Тихвин, 1924. С. 1—36; *его же*. Население Тихвинского уезда // Тихвинский край. Тихвин, 1926. С. 237—241; *его же*. Чухари // Там же. С. 242—261; *его же*. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930; *его же*. За марксистскую историю материальной культуры // Изв. ГАИМК. Т. 7. Вып. 3—4. Л., 1930; *его же*. К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи со взглядами Маркса и Энгельса // Там же. Т. 9. Вып. 2. Л., 1931; *его же*. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. М.; Л., 1934; *его же*. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1. М.; Л., 1936; Ч. 2. М.; Л., 1938; *его же*. История первобытного общества. Ч. 1. Л., 1939; Ч. 2. Л., 1947; *его же*. Неолитический могильник на Онежском озере // Сов. археология. 1940. № 6. С. 46—62; *его же*. Старая Ладога // Там же. 1949. № 11. С. 5—54. Списки работ В. И. Равдоникаса см.: Советская археологическая литература. Библиография. 1918—1940 / Сост. Н. А. Винберг. Т. Н. Заднепровская, Р. Ш. Левина, А. А. Любимова. М.; Л., 1959; Библиография трудов Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. 1900—1962. Л., 1967.

³⁰ Международная конференция к 100-летию В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб., 1994.

³¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40.

³² О *Н. П. Никульшине* см.: ПФА РАН. Ф. 142. Д. 324, 409.

³³ *Никульшин Н. П.* Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939. Материалы Н. П. Никульшина были использованы Г. М. Василевич при написании статьи «Эвенки» для тома «Народы Сибири». М.; Л., 1956. С. 701—741. Неопубликованные работы Н. П. Никульшина хранятся в Архиве МАЭ (Ф. 1).

³⁴ О *Г. Д. Вербове* см.: ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2795; Ф. 142. Оп. 5. Д. 90, 245; 387; 426. Л. 14; *Омельчук А.* Рыцари Севера. Свердловск, 1982. С. 99—128; *Степанов Н. Н.* Предисловие // *Зуев В. Ф.* Материалы

по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772) // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 8—10.

³⁵ Вербов Г. Д. (рец.) Старцев Г. А. Самоеды (ненча). Историко-этнографическое исследование. Л., 1930 // Сов. этнография. 1931. № 1—2. С. 196—198; *его же*. Лесные ненцы // Там же. 1935. № 2. С. 57—70; *его же*. Ненэцкие сказки и былины (из ненэцкого фольклора). Сале-Хард, 1937; Краткий ненэцко-русский и русско-ненэцкий словарь / Соств. Г. Д. Вербов. Сале-Хард, 1937; *его же*. Пережитки родового строя у ненцев // Сов. этнография. 1939. № 2. С. 43—66; *его же*. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Изв. ВГО. Т. 75. Вып. 5. 1943. С. 16—23; Зуев В. Ф. Указ. раб. // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 5. М.; Л., 1947. Подготовил к печати Г. Д. Вербов; *его же*. Василий Федорович Зуев // Зуев В. Ф. Указ. раб. С. 1—16.

³⁶ Архив МАЭ. Ф. 2.

³⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 40. Л. 31.

³⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 40. Л. 31.

³⁹ Груздев И. А. (1892—1960) — русский советский критик и литературовед. О нем см.: Иоффе Ф. М. Груздев Илья Александрович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. Стлб. 430—404.

⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 25. Л. 2, 17.

⁴¹ Книга памяти. Ленинград. 1941—1945. Т. 1. Василеостровский район. А—Л. СПб., 1994. С. 152.

Paying the Debt. Part II. In memory of the collaborators of the Institute of Ethnography, Soldiers of the Great Patriotic War

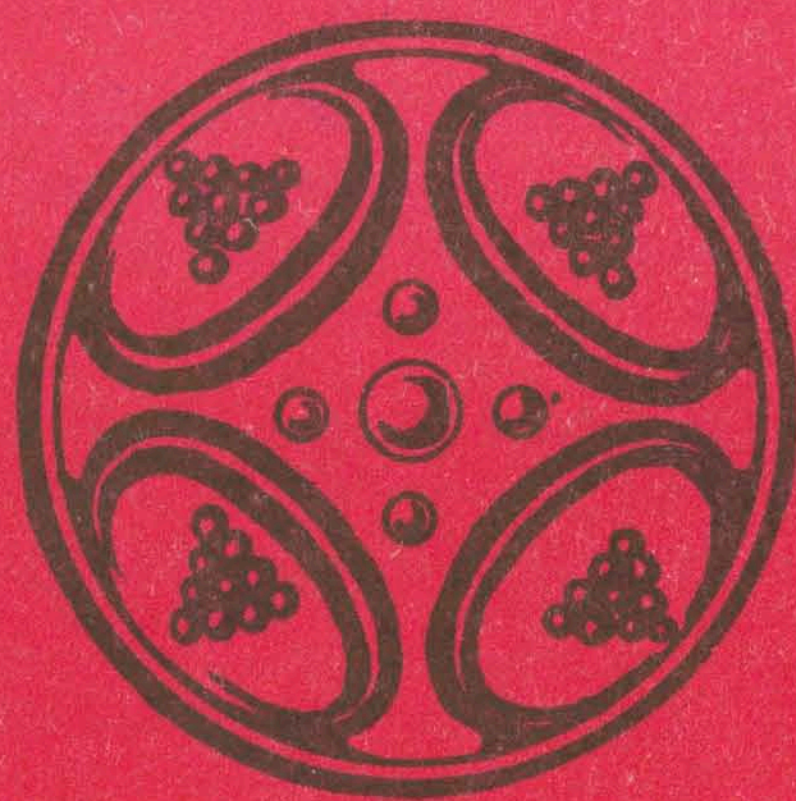
The article is the second part of the three-part article entitled «Paying the Debt». Life and work of the ethnographers and employees of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences, who fought and died at the fronts of the Great Patriotic War are described.

A. M. Reshetov

ISSN 0869-5415

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1995

№ 4

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 4

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ · АВГУСТ
1995

С 1926 по 1929 г. журнал выходил под названием «Этнография»
С 1931 по 1991 г. — «Советская этнография»

Редакционная коллегия:

Ю. В. Арутюнян, В. Н. Басилов, И. В. Власова (главный редактор),
Н. А. Дубова, А. А. Зубов, В. В. Карлов, А. М. Решетов, В. А. Тишков,
Д. А. Функ, Г. В. Цулая, С. В. Чешко (заместитель главного редактора),
Е. А. Шервуд

Отв. секретарь О. Д. Комарова

Заведующая редакцией *Е. А. Эшлиман*

Обложка художника *Е. В. Орловой*

Адрес редакции:

117334 Москва, Ленинский пр., д. 32а
тел. 938-18-67, 938-56-50, факс 938-06-00

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения
редколлегии и редакции

*В 1995 году журналу оказана финансовая поддержка Российским фондом
фундаментальных исследований (грант № 95-06-95013)*

К 50-летию ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1995 г., ЭО, № 4

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА. ЧАСТЬ II. ПАМЯТИ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР, ПОГИБШИХ В БОЯХ ЗА РОДИНУ *

С началом войны шли в армию мужчины призывного возраста. Уходили на фронт и добровольцы. Среди тех и других были сотрудники Института этнографии.

Николай Борисович Шнакенбург родился 4 февраля 1907 г. в г. Переславле Залесском Ярославской губернии в русской дворянской семье⁴². Его отец военный, мать домохозяйка. В 1924 г. он окончил среднюю школу, затем два года жил и работал в Туле. Здесь Николай учился сапожному мастерству и работал в качестве подмастерья, а также служил препаратором в ветеринарной лаборатории. В августе 1926 г. он поступил на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ, где занимался под руководством выдающегося сибиреведа проф. В. Г. Богораза. В мае 1929 г. Н. Б. Шнакенбург был командирован на Камчатку. С августа 1929 г. по июль 1930 г. он работает учителем школы 1-й ступени в с. Тили Олюторского р-на Камчатской обл., с августа 1930 г. по июнь 1931 г. учительствует на мысе Шмидта на Чукотке.

С июня 1931 по август 1933 г. Николай Борисович в качестве научного работника, краеведа культбазы Комитета содействия народам Севера, находился в районе залива Лаврентия, что на Чукотке. В 1931—1933 гг. он участвовал в работе бригады по советизации кочевников тундры, руководил учебной частью курсов по подготовке молодых чукчей к учебе в партшколе, часто выступал в качестве переводчика, способствовал введению письменности среди чукчей. По возвращении в Ленинград, а добирался Шнакенбург долго — с августа 1933 г. по январь 1934 г., он вновь становится студентом. Комитет содействия, поддерживая восстановление его в правах студента, весьма похвально отзывается о его работе в экспедиции. К тому времени этнография была представлена Ленинградским историко-философско-лингвистическим институтом. Шнакенбург заканчивает этот институт в июле 1936 г. и с октября того же года по март 1937 г. работает младшим научным сотрудником Музея Арктики, принимает участие в организации Отдела хозяйства народов Севера. С апреля по декабрь 1937 г. он сотрудник-переводчик Корякской экспедиции Арктического института, которая работала у кэрэков в Олюторском р-не Камчатской обл. В ноябре 1937 г. газета «Тихоокеанская звезда» публикует его научную статью «Китобойный промысел на Чукотке». После возвращения в Ленинград Николай Борисович с 1 апреля 1938 г. зачислен научно-техническим сотрудником в Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР. С 1 ноября 1938 г. он в порядке совместительства преподает историю СССР в старших классах средней художественной школы при Академии художеств.

* Начало статьи см. «Этнографическое обозрение», № 3.

1 октября 1939 г. Шнакенбурга освобождают от занимаемой должности младшего научного сотрудника Кабинета Сибири Института этнографии в связи с поступлением в аспирантуру АН СССР, где под руководством Г. Н. Прокофьева ему к 1 октября 1942 г. предстояло подготовить квалификационную работу по теме «История и этнография народов Камчатки». В своем заявлении в аспирантуру от 14 августа 1939 г. он писал: «Полагал бы работать в области истории народов Севера как полноправной истории народов СССР... В этой разработке истории чукоч, эскимосов и коряков важнейшее место должно быть отведено и этнографии этих народов. Вот почему я и прошу комиссию принять меня в аспирантуру Института этнографии Академии Наук СССР»⁴³. С июля 1940 г. Шнакенбург много времени проводит в Архиве народного хозяйства, где изучает дела, связанные с историей Камчатки, взаимоотношениями народов Чукотского полуострова. В аспирантуре он работает с большим увлечением, о чем свидетельствуют отзывы его научных кураторов. Так, 14 июля 1940 г. А. И. Андреев написал: «Николай Борисович Шнакенбург в течение 1939—1940 учебного года прослушал весьма внимательно мой курс „Источниковедение Сибири XVII—XX вв.“, заслуживает оценки „отлично“»⁴⁴. 27 июня 1940 г. аспирант успешно сдал кандидатский минимум по диалектическому и историческому материализму. А 1 июля того же года Г. Н. Прокофьев дал такой отзыв: «Считаю Н. Б. Шнакенбурга усидчиво, серьезно относящимся к своей учебе аспирантом»⁴⁵. До сентября 1940 г. молодой исследователь, помимо всего прочего, исполнял обязанности секретаря тома «Народы Сибири». Им была написана статья «Эскимосы» объемом около 5 а. л. На заседании Кабинета Сибири было принято решение расширить статью с тем, чтобы впоследствии выпустить ее отдельным изданием. Совместно с С. Н. Стебницким Шнакенбург готовил для сибирского тома статью «Коряки». Для однотомника «Народы СССР» им были написаны две небольшие статьи «Чукчи» и «Коряки». Институт истории в тот период подготавливал к выпуску первый том «Истории Сибири». Шнакенбург предоставил собранные им материалы для написания главы «Север Сибири в I тысячелетии». Он внимательно просмотрел подготовленный В. Г. Богоразом к печати «Луораветланско-русский словарь» и передал для включения в него около 70 записанных им слов. Исследователем был подготовлен и ряд рукописей, например «К истории первобытного обмена у чукоч» (4—5 а. л.), «Запреты-табу пищи у приморских чукоч» и др. Количество опубликованных Шнакенбургом работ невелико⁴⁶. Очевидно, исследователь хранил свой научный архив дома, и после ухода его в армию он был утрачен. В архиве МАЭ нет фонда Н. Б. Шнакенбурга. После получения известия о гибели Николая Борисовича среди сотрудников Института распространился слух о том, что в ходе боев под Ленинградом он якобы был захвачен немцами в плен. Фашисты, приняв его за немца, предложили сотрудничество, но он решительно отказался, после чего был расстрелян⁴⁷. В мемуарах Л. И. Лаврова о боях на Ораниенбаумском плацдарме есть сообщение о гибели Н. Б. Шнакенбурга близ д. Настолово без указания каких-либо подробностей⁴⁸. Напомню только, что Л. И. Лавров хорошо знал Николая Борисовича по совместной работе в Институте этнографии.

Гибель Шнакенбурга произошла, вероятно, в конце сентября — начале октября 1941 г. То, что долго не было известий о его судьбе, подтверждается письмом с фронта Г. Д. Вербова своему коллеге М. А. Сергееву от 29 апреля 1942 г.: «Из Вашей открытки я извлек печальное известие о судьбе Н. Б. Шнакенбурга. Что с ним? Убит? До сего времени я знал лишь, что от него нет вестей»⁴⁹. Официально в Институт тогда не поступало никаких сообщений. Поэтому приказом по Институту за № 67 от 24 июня 1942 г. Н. Б. Шнакенбург был отчислен из штата сотрудников только с 1 апреля 1942 г. «как находящийся в рядах Красной Армии». Было достоверно известно, что он участвовал в сражениях на Ораниенбаумском плацдарме в качестве рядового в составе 6-й роты 2-го батальона Василеостровской добровольческой дивизии⁵⁰.

По сведениям, полученным 11 января 1995 г. в Василеостровском райвоенкомате Санкт-Петербурга, рядовой Шнакенбург Н. Б. пропал без вести на фронте в

октябре 1941 г. Вполне вероятно, что устная версия о его гибели не лишена оснований.

5 июля 1941 г. ушел добровольцем в Красную Армию и младший научный сотрудник Института *Давид Натанович Лев*⁵¹. Он родился 2 мая 1905 г. в Могилеве в еврейской мещанской семье, а в 1925 г. начал трудовую жизнь: работал в стройконторе, в 1925—1927 гг. был санитаром во 2-й психиатрической больнице, в 1927—1930 гг. — санитаром Невропсихиатрической экспертизы заключенных им. В. И. Ленина. Одновременно в 1926—1929 гг. Лев обучался в Институте истории искусств. Он надеялся получить специальность искусствоведа, однако в 1929 г. ушел с третьего курса и поступил на археологическую кафедру отделения истории материальной культуры Ленинградского историко-лингвистического института. В сентябре 1931 г. Лев получает диплом археолога дофеодальной формации. Его научным руководителем был П. П. Ефименко. С 1 января 1932 г. он по договору работает научным сотрудником 2-го разряда МАЭ. С образованием Института антропологии и этнографии АН СССР 15 февраля 1935 г. Лев — штатный сотрудник 2-го разряда, а ровно через год — 1-го разряда. Начиная с 1931 г. он выезжает в археологические экспедиции в различные районы страны, работает под руководством А. А. Миллера и В. А. Городцова. Особо его интересует история горного дела. В 1935 г. В. А. Городцов и С. Н. Быковский предлагают присвоить Д. Н. Льву степень кандидата наук по археологии и истории доклассового общества без защиты. С 28 января 1938 г. он исполняет обязанности заведующего, а с 23 апреля 1939 г. назначается заведующим отделом археологии МАЭ. В 1940—1941 г. Д. Н. Лев сдал кандидатские минимумы по археологии, диалектическому и историческому материализму и немецкому языку.

Вскоре после начала войны он записывается добровольцем в Красную Армию, но по состоянию здоровья ему отказывают в службе в армии. В январе 1942 г. Д. Н. Лев получил положительные отзывы профессоров В. В. Мавродина и В. И. Равдоникаса на свою диссертацию «Производство железа в Прибайкалье в VII—X вв. н. э.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Однако защитить диссертацию в блокадном Ленинграде он не успел. 11 июля 1942 г. Лев был эвакуирован из Ленинграда. В Самарканде он устроился на работу в университет, где защитил в 1945 г. кандидатскую диссертацию, посвященную вопросам древнего горного дела, и стал доцентом. Его работы послевоенного периода посвящены археологии Средней Азии. В 1958—1968 гг. Лев вел регулярные раскопки Самаркандской стоянки⁵². Он умер в Самарканде 10 октября 1969 г.

Федор Борисович Шапиро родился в 1892 г. в г. Вильно в еврейской мещанской семье⁵³. Как он сам писал, у него «домашнее образование, низшее». Служил рядовым в царской армии, а в 1917—1924 гг. — в Красной Армии в разных частях, в частности был музыкантом. С 1924 г. он на хозяйственной работе (с 10 октября 1932 г. по 19 марта 1934 г. — завхоз МАЭ, затем Института антропологии и этнографии). По его словам, «ввиду несработанности с помощником директора по административно-хозяйственной части уволился». Проработав 5 лет в других учреждениях, в том числе в ИИМК, Шапиро в сентябре 1939 г. вернулся в Институт этнографии, на этот раз на должность помощника директора по административно-хозяйственной части. С образованием Литовской ССР ему, естественно, захотелось повидать своих литовских родственников. Директор Института этнографии акад. В. В. Струве обратился к академику-секретарю Отделения истории и философии АН СССР А. М. Деборину с просьбой дать «разрешение на командирование в гг. Каунас и Вильнюс Литовской ССР помощника директора по административно-хозяйственной части Ф. Б. Шапиро с целью ознакомления с состоянием этнографических музеев этих городов, а также для установления связи с научными сотрудниками, готовящими статьи для сборника „Народы СССР“». Нельзя не заметить, что едва ли кандидатура Шапиро Ф. Б. подходила для выполнения этой ответственной и деликатной научной миссии.

Имя Ф. Б. Шапиро значится в приказе за № 110 от 4 июля 1941 г. по Институту

этнографии: «В связи с уходом пом. дир. по адм.-хоз. части Ф. Б. Шапиро добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г.» Очевидно, это решение о вступлении добровольцем в действующую армию было принято Ф. Б. Шапиро в порыве патриотизма и объясняется стремлением приблизить час скорой победы. Свое решение Шапиро не согласовал с руководством института. Иначе нельзя понять, почему уже 5 июля 1941 г. директор института проф. И. Н. Винников обратился в мобилизационную комиссию Василеостровского района «с просьбой об освобождении от службы в Добровольческой Армии помощника директора по административно-хозяйственной части Института этнографии АН СССР т. Шапиро Федора Борисовича». 12 июля 1941 г. аналогичная просьба была выражена в письмах директора командиру 2-го пулеметного батальона 2-го полка Василеостровской дивизии и заместителю командира того же батальона по политчасти. 14 июля 1941 г. И. Н. Винников получил отказ «в освобождении добровольца Шапиро Ф. Б. из рядов Добровольческой дивизии». Тогда он обратился к военному комиссару Ленинграда, однако и от него пришел решительный отказ. После эвакуации И. Н. Винникова в вышестоящие инстанции продолжает обращаться и. о. директора института С. М. Абрамзон. 19 ноября 1941 г. он направил письмо с просьбой об освобождении от службы Шапиро в Отдел укомплектования штаба Ленинградского фронта.

В конце концов целеустремленные действия руководства института увенчались успехом, и 11 декабря 1941 г. Ф. Б. Шапиро приступил к исполнению своих гражданских обязанностей. Правда, позднее Шапиро писал в анкете так: «В декабре был демобилизован по болезни». Вскоре С. М. Абрамзон издал приказ об эвакуации Ф. Б. Шапиро из Ленинграда с 8 февраля 1942 г. с сохранением содержания по 15 марта 1942 г. В дальнейшем формулировка приказа была уточнена: «Ф. Б. Шапиро командировается в распоряжение Президиума АН СССР в г. Казань по делам, связанным с эвакуацией сотрудников Института из Ленинграда, осуществляемой в порядке постановления Правительства СССР». Срок командировки — по 1 апреля 1942 г. Из Казани Шапиро направился в Ташкент, где находилась группа сотрудников института, он по-прежнему выполнял обязанности помощника директора и по совместительству получил должность начальника Ташкентского административно-хозяйственного управления (начальника управления уполномоченного Президиума АН СССР по Узбекистану). За добросовестное выполнение своих обязанностей Ф. Б. Шапиро был награжден медалью «За трудовую доблесть».

С 1 мая 1945 г. приказом заместителя директора Института Н. Н. Степанова он был переведен на должность заведующего производственными мастерскими. 17 мая 1945 г. Шапиро вернулся из эвакуации в Ленинград, а с начала 2 августа того же года перешел на работу в ленинградский Дом ученых в качестве заместителя директора. Был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». 10 февраля 1950 г. Шапиро перевели на должность директора академической гостиницы, но на этой должности он проработал недолго. Очевидно, сказались пережитые трудности и болезни. 12 июля 1951 г. Ф. Б. Шапиро скончался в Ленинграде.

В связи с уходом добровольцем в Красную Армию заведующего отделом Сибири *Георгия Николаевича Прокофьева* ему был выдан двухнедельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г., но пробыл в армии он недолго: по состоянию здоровья его вернули в институт. Г. Н. Прокофьев скончался в блокадном Ленинграде 29 января 1942 г.⁵⁴

Александр Николаевич Нечаев родился 7 (20) апреля 1902 г. в д. Екимово Пудожского уезда Архангельской губернии в семье зажиточного крестьянина⁵⁵. Летом семья занималась преимущественно хлебопашеством, а зимой, вплоть до 1915 г., разносной грибной торговлей в Петербурге. В 1920 г. Александр закончил школу и работал. Затем он учился на Высших курсах искусствоведения при Государственном институте истории искусств, а в 1927 г. перевелся в

Ленинградский историко-лингвистический институт, который не закончил, уйдя в 1932 г. с последнего курса.

С сентября 1930 по июнь 1934 г. Нечаев — преподаватель-ассистент Ленинградской высшей школы профдвижения. В 1932 г. фольклорная секция АН СССР утвердила его членом экспедиции по изучению фольклора Карельского Беломорья. С июня 1934 по май 1938 г. он занимает должность старшего сотрудника и руководителя этнографо-лингвистической секции Карельского научно-исследовательского института культуры в Петрозаводске.

В мае 1938 г. Нечаев становится членом Союза советских писателей в Ленинграде и работает лектором по литературе и фольклору в Ленинградском городском лектории. В 1938 г. Александру Николаевичу присуждается премия 1-й категории за «Сказки Карельского Беломорья» на конкурсе научных работ, организованном АН СССР и ЦК ВЛКСМ. Его записи сказителей М. М. Коргуева и Ф. Л. Свиньина вызвали также похвалы ведущих ученых-фольклористов. Проф. М. К. Азадовский, например, писал: «Открытие А. Н. Нечаевым М. М. Коргуева и Ф. Л. Свиньина начинает новую эру в истории изучения русской сказки в Карелии и принадлежит к крупнейшим явлениям русского сказковедения в целом». 26 февраля 1940 г. эта работа была защищена в ученом совете Ленинградского педагогического института им. Герцена на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Оппоненты Н. П. Андреев и В. А. Десницкий положительно оценили диссертацию молодого ученого. В сентябре 1940 г. А. Н. Нечаев подал заявление с просьбой предоставить ему работу в Институте этнографии АН СССР, которое поддержал заведующий Кабинетом Европы института, чл.-кор. АН СССР Д. К. Зеленин: «Кабинет Европы очень просит зачислить в число сотрудников Кабинета тов. Нечаева, который является специалистом по фольклору и этнографии Карельского периода». С 1 января 1941 г. его назначают секретарем Кабинета.

5 июля 1941 г. А. Н. Нечаев ушел добровольцем на фронт, тем не менее он продолжал числиться на работе до 1 апреля 1942 г., когда его все-таки отчислили как находящегося в рядах Красной Армии. В 1941—1942 гг. Нечаев состоял военным корреспондентом в Кировской дивизии народного ополчения. После демобилизации он обосновался в Москве. В то время там задумывалось составление свода русских сказок. Инициаторами выступили такие известные писатели, как П. П. Бажов, М. М. Пришвин, А. П. Платонов, а для общего руководства пригласили М. А. Шолохова. Среди практических исполнителей и был А. Н. Нечаев. В 50-е годы он занялся пересказами для детей младшего и среднего школьного возраста сказок и былин, которые широко публиковались в различных издательствах страны⁵⁶. Умер А. Н. Нечаев в Москве 24 декабря 1986 г.

Создается впечатление, что институтские приказы порой лишь фиксировали происшедшие события. Прочитав приказ за № 121 от 5 июля 1941 г. по Институту этнографии: «§ 1. В связи с уходом младшего научного сотрудника Н. Н. Волкова добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 2. Отчислить из аспирантуры М. К. Кудрявцева с 1 июля 1941 г. в связи с мобилизацией в Красную Армию. § 3. И. о. Ученого секретаря Н. И. Насекин вернулся досрочно из отпуска и приступил к работе с 5 июля с. г. § 4. В связи с уходом младшего научного сотрудника Л. И. Лаврова добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г.»⁵⁷.

Николай Николаевич Волков родился в июле 1904 г. в д. Симанково Сретенской волости Галичского уезда Костромской губернии в бедной крестьянской семье⁵⁸. Вспоминая свое детство, он писал в автобиографии: «Отец горчайший пьяница, он утопился пьяный в 1913 г. Детей осталось 5 человек, старшему — 10 лет. В детстве я жывал пастухом, ходил на отхожие промыслы в качестве ученика стекольщиков и печников, некоторое время ездил за хлебом в Сибирь, собирая куски хлеба»⁵⁹. И даже в таких неблагоприятных условиях мальчик много читал, беря книги у священника и дьякона. В 1920 г. Николай уехал в

Кострому и там окончил партшколу. В феврале 1921 г. он вступил в РКП(б), а в 1921—1922 гг. учился в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, после чего 4 года занимался пропагандистско-клубной работой в Костроме, Киеве, Севастополе. В 1926—1930 гг. Волков служил на Балтийском флоте и одновременно с 1927 г. сдавал экстерном экзамены на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ, которое закончил в 1931 г.

В 1930—1931 гг. он обучался в аспирантуре. Тогда же под руководством Н. М. Маторина им готовились работы по скопцам. В 1931—1935 гг. Волков работал в органах НКВД, но по болезни был освобожден от службы там и вновь занялся с 1935 г. научной деятельностью в Институте анатропологии и этнографии. Предметом его изучения стали западнофинские народности. Во второй половине 30-х годов он проводил планомерные полевые этнографические исследования у вепсов, ижоры, эвремейцев, савакотов, карелов, саамов, в 1939 г. — у крымских татар. По всем этим народам он писал статьи для справочных изданий по этнографии народов СССР, готовившихся в те годы в институте. В 1940 г. Н. Н. Волков консультировал работников ГМЭ по реэкспозиции карело-финского отдела музея. В те же годы он усиленно трудился над подготовкой диссертации «Саамы в СССР».

Волков пережил большое потрясение: в апреле 1937 г. его исключили из ВКП(б) «за притупление бдительности и непринятие мер к врагам народа». Его попытки добиться восстановления в партии не увенчались успехом, что было для того времени плохим предзнаменованием. В апреле того же 1937 г. он был уволен из института и до февраля следующего года работал стекольщиком. Ему стоило огромных усилий восстановиться в институте.

Война нарушила многие планы Н. Н. Волкова. С 15 июня 1941 г. он находился в командировке (за свой счет, но с сохранением зарплаты) у вепсов Винницкого р-на Ленинградской обл. С началом войны исследователь вынужден был вернуться в город. 15 июля 1941 г. Николай Николаевич ушел на фронт добровольцем, воевал, но вскоре попал в плен, где находился с 10 сентября 1941 г. по 31 мая 1945 г. В 1946 г. об этих событиях в автобиографии он напишет следующее: «Под Гатчиной я был ранен в ногу, и, будучи уже в окружении, взят в плен немцами. В плену около 2 месяцев находился сначала в Пскове, затем в Риге в госпиталях. Затем перевели в Митавский госпиталь, и еще с костылями выписан в Митавский лагерь. В Митавском лагере я проработал в качестве стекольщика и резчика по дереву до июля 1944 г. В 1944 г. бежал, но снова был пойман, жестоко избит и отправлен на штрафные работы в Эстонию (Парнау). Вскоре всех нас эвакуировали в Германию, где я и был освобожден вместе с другими возле города Грайсфальд. По освобождении был вновь зачислен в ряды Красной Армии и демобилизовался на основе решения сессии Верховного Совета»⁶⁰.

30 сентября 1945 г. Волков был зачислен в отдел Европы Института этнографии на должность младшего научного сотрудника. В апреле следующего года он сдал кандидатский экзамен по этнографии комиссии в составе Н. Н. Степанова, Д. К. Зеленина и Д. А. Ольдерогге, а 7 января 1947 г. на заседании ученого совета Института этнографии в Москве успешно защитил кандидатскую диссертацию «Саамы в СССР». Официальные оппоненты доктора исторических наук, профессора Л. П. Потапов и А. И. Андреев, приславшие отзывы члены-корреспонденты АН СССР В. И. Равдоникас и Д. В. Бубрих высоко оценили исследование Н. Н. Волкова. Ученый возобновил экспедиционную деятельность, ездил к изучаемым им народам в Карело-Финскую ССР и Ленинградскую область, готовил новые работы⁶¹.

7 ноября 1947 г. в семье Н. Н. Волкова шла подготовка к празднику, которому не суждено было состояться. В этот день он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, которую якобы проводил в лагере, а также среди знакомых в Ленинграде в 1946—1947 гг. С 7 января 1948 г. Волкова уволили из института по ст. 47, пункт «Д» КЗОТ. Особым совещанием при МГБ СССР он летом 1948 г. был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Н. Н. Волков отбывал срок в Вятлаге, на ст. Фосфоритная Пермской железной дороги. Умер он 7 марта 1953 г. в пос. Лесное Кировской обл. Реабилитирован в соответствии с заключением прокурора Ленинграда 31 августа 1989 г.

Неопубликованные работы Н. Н. Волкова хранятся в архиве МАЭ, образуя самостоятельный фонд № 13.

Михаил Константинович Кудрявцев родился 12 января 1911 г. (30 декабря 1910 г.) в Оренбурге в семье служащего⁶². После окончания в 1928 г. девятилетней школы он год работал маляром, счетоводом, после чего поступил в Ленинграде в топографический техникум. Закончив его в 1932 г., Кудрявцев получил распределение в трест «Дальстрой». Последующие 2 года как топограф он проработал в Якутии. В 1934 г. им принимается решение вернуться в город на Неве и стать студентом исторического факультета. Очевидно, такой поступок определялся двумя факторами: всегдашней любовью к истории и открытием исторических факультетов в 1934 г. В своем отзыве о студенте М. К. Кудрявцеве заведующий кафедрой новой истории исторического факультета ЛГУ М. С. Иванов отмечал: «Отличительным качеством Кудрявцева является его чрезвычайная добросовестность и трудолюбие, а также интерес к научной работе по истории Индии». В 1936—1938 гг. молодой историк параллельно со специализацией по истории изучал язык урду. В июне 1939 г. по окончании университета он был рекомендован в аспирантуру Института этнографии. С 1 сентября того же года Кудрявцев — аспирант ведущего этнографического центра страны, его научным руководителем утвержден один из крупнейших востоковедов, энциклопедист проф. Н. В. Кюнер. Под руководством научного сотрудника Института востоковедения АН СССР В. Е. Краснодембского он стал помимо урду изучать индийские языки хинди и маратхи.

За время учебы в аспирантуре Кудрявцев сдал экзамены по диалектическому и историческому материализму, французскому и английскому языкам, общей этнографии. Последний аспирантский экзамен он сдавал представительной комиссии в составе директора института проф. И. Н. Винникова (председатель), чл.-кор. АН СССР проф. Д. К. Зеленина, старшего научного сотрудника Д. А. Ольдерогге, и. о. ученого секретаря А. М. Кукулевича. Это происходило 27 июня 1941 г., на пятый день войны. Вывод комиссии был единодушный: «Кудрявцев обнаружил хорошее знание литературы, как общей, так и специальной. Общая оценка — отлично». Но этот успешно сданный экзамен по специальности, как оказалось, не открывал манящих перспектив скорейшей защиты диссертации. Война невольно подвела итог аспирантской подготовке М. К. Кудрявцева.

После мобилизации 1 июля 1941 г. он попал на Ленинградский фронт, где сначала был топографом, а с февраля 1942 г. — старшим топографом, командиром взвода, заместителем командира батареи, начальником штаба дивизиона на Волховском фронте. В декабре 1942 — августе 1944 г. он начальник топографической службы сперва на Волховском, а затем на 2-м Украинском фронте. В августе 1944 — сентябре 1945 г. Кудрявцев занимает должность начальника топографической службы корпуса последовательно на 2-м и на 1-м Украинском фронтах. С боями от знаменитых Синявинских болот под Ленинградом он прошел дорогами войны по территории нашей страны, побывал и за рубежом — в Румынии, Польше, Германии, Чехословакии. Михаил Константинович удостоен ордена Красной Звезды, медалей «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Как признавали позднее его друзья-однополчане, благодаря высоким профессиональным знаниям М. К. Кудрявцева воинские подразделения, которыми он командовал, успешно решали боевые задачи, выходя из труднейших, казалось бы, безвыходных ситуаций. Командование также высоко ценило Кудрявцева, вследствие чего ему сразу после окончания войны не удалось демобилизоваться: с сентября по декабрь 1945 г. по приказу командования он работал старшим преподавателем топографии на курсах усовершенствования офицеров во Львове.

Приказом по Ленинградской части Института этнографии АН СССР вер-

нувшийся из армии М. К. Кудрявцев был восстановлен в аспирантуре. Его научным руководителем теперь стал один из ведущих этнографов страны Д. А. Ольдерогге. После окончания аспирантуры в 1948 г. Кудрявцев занимает должность младшего научного сотрудника.

В первые послевоенные годы основные усилия сотрудников МАЭ были направлены на восстановление постоянно действующих музейных экспозиций. Перед М. К. Кудрявцевым была поставлена задача воссоздания экспозиции «Народы Южной Азии». И он с честью справился с ней. Экспозиция была открыта в 1949 г. О значительности проделанной Кудрявцевым работы свидетельствует тот факт, что за исключением небольших изменений она и поныне является одной из самых лучших в музее. Михаил Константинович стал одним из признанных музееведов в институте.

8 апреля 1952 г. на заседании ученого совета Института этнографии в Москве им была успешно защищена кандидатская диссертация «Происхождение мусульманского населения Северной Индии». Громадный труд вложил он как автор и один из фактических организаторов в создание фундаментального обобщающего исследования «Народы Южной Азии», вышедшего в 1963 г. в Москве в серии «Народы мира. Этнографические очерки». 22 февраля 1966 г. решением ученого совета Ленинградской части института он переводится на должность старшего научного сотрудника по специальности «Этнография Индии».

М. К. Кудрявцева как крупнейшего этнографа-индолога хорошо знали в Ленинграде: на восточном факультете ЛГУ он периодически читал спецкурсы по истории и этнографии Индии, состоял членом Специализированного совета по защите докторских диссертаций. Во Всесоюзном географическом обществе он активно работал в составе Восточной комиссии и печатался в ее издании «Страны и народы Востока». Вместе с Х. Я. Люстерник Кудрявцев длительное время руководил работой городского индологического семинара. Активный характер носили его связи с Институтом востоковедения АН СССР. Трижды — в 1957, 1964 и 1966 г. — побывал он в научных командировках в Индии, где завязал и в дальнейшем поддерживал плодотворные связи с индийскими учеными и научными центрами.

1 февраля 1972 г. в Москве в Институте этнографии АН СССР состоялась защита Кудрявцевым докторской диссертации на тему «Община и каста в Хиндустане». Он является автором двух солидных монографий и большого количества статей по различным проблемам этнографической индологии, хотя, несомненно, ведущей темой в его научном творчестве оставалось исследование проблем кастовой организации индийского общества, соотношения касты и общины, касты и этноса⁶³. Многие работы Кудрявцева на эти темы вызвали оживленный обмен мнениями между специалистами. Его взгляды по дискутировавшимся проблемам наиболее полно отражены в работе «Индийская кастовая община как социальная система», вышедшей в 1973 г.

М. К., как ласково за глаза называли его коллеги и друзья, умел дружить. До конца своих дней он поддерживал дружеские связи с топографами, с которыми судьба свела его в Якутии, с сокурсниками по университету и аспирантуре. Тесная дружба связывала Кудрявцева с африканистами Д. А. Ольдерогге и С. Р. Смирновым, кавказоведом Л. Б. Панек, синологами Г. А. Гловацким и Г. Г. Стратановичем и многими другими учеными и людьми, далекими от науки. Он увлекался охотой, и поэтому среди его друзей были охотники. Вместе с тем наибольшее внимание он уделял друзьям-однополчанам. Память о войне, о боевых товарищах прошла через всю его послевоенную жизнь. Трудно забыть рассказы М. К. Кудрявцева о сражениях на Синявинских болотах, о поездках туда в послевоенные годы и организации захоронения останков погибших воинов. Священны были для него встречи с сослуживцами в Ровно, куда он ездил почти каждый год, пока позволяло здоровье. В январе 1991 г. друзья и коллеги тепло отметили 80-летие Кудрявцева. Однополчане прислали ему магнитофонную пленку с сердечными

приветствиями. 4 марта 1992 г. М. К. Кудрявцева не стало. Прах его был захоронен на Шуваловском кладбище в Санкт-Петербурге.

Леонид Иванович Лавров родился 4 мая 1909 г. в ст-це Медведковской Кавказского отдела Кубанской обл.⁶⁴ Его предки вели происхождение от запорожских казаков, поселенных в 1792—1793 гг. после разгрома Запорожской сечи на Правобережье Кубани. Отец Лаврова был священником, мать домохозяйкой. Вскоре после рождения сына семья Лавровых переехала в ст-цу Пашковскую. Там Леня пошел в школу, но окончил ее в 1926 г. уже в Краснодаре. Мальчик рано увлекся краеведением, о чем свидетельствует его выступление в 1923 г. перед одноклассниками с докладом о прошлом родной станицы. Как позднее вспоминал Л. И. Лавров, в основу его сообщения были положены письменные материалы, извлеченные из местной рукописной «Летописи», хранившейся в Пашковской церкви, а также устные рассказы старожилов. После окончания школы Леонид поступает в Кубанский педагогический институт.

В 1928 г. он принимает решение переехать в Ленинград и поступить на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ, которое в 1930 г. в связи с реорганизацией университета и выделением из него ряда отраслевых институтов оказалось включенным в состав Ленинградского историко-лингвистического института. Как этнограф Лавров собирает материал по быту народов Северного Кавказа, в том числе родной станицы, увлекается изучением народных верований. В 1930 г. он проходит практику в этнографическом отделе Русского музея, совершает поездку в Черноморскую Шапсугию. По материалам этой поездки он в 1936 г. опубликует свою первую научную работу. Публикация задержалась по весьма драматическим, чуть не ставшим трагическими обстоятельствам. В 1930 г. Л. И. Лаврова обвинили в сокрытии непролетарского происхождения, не обратив внимания на то, что сын станичного священника начиная с 1926 г. работал в качестве чернорабочего на Металлическом заводе, в Геологическом комитете, Главхлопкотресте и даже в джаз-капелле.

Ему пришлось покинуть институт. С 3 ноября 1930 г. по 30 октября 1931 г. он работал в Ленинграде преподавателем. 31 октября ушел в армию, где был курсантом 19-го Манычского кавалерийского полка 4-й Кавказской дивизии, а с 1933 г. был назначен на должность преподавателя военной географии в 1-й школе пограничной охраны в Петергофе, позднее — в Слуцке. Находясь на действительной воинской службе по 5 апреля 1936 г., Лавров в 1934 г. экстерном сдает экзамены и таким образом заканчивает Ленинградский историко-филологический институт (ЛИФЛИ). 12 мая 1935 г. он успешно защищает дипломную работу «Старые верования черкесов и религиозный синкретизм». Ему присваивается квалификация научного работника 2-го разряда по истории доклассового общества и преподавателя вуза, техникумов, рабфаков и старших классов средней школы. В 1936 г. по ходатайству Института этнографии Лавров был демобилизован и 5 апреля зачислен на работу в этот институт на должность научного сотрудника 1-го разряда.

В творческой судьбе Л. И. Лаврова большую роль в тот период сыграл выдающийся кавказовед А. Н. Генко, который с февраля 1936 г. стал работать в Институте этнографии АН СССР, где он организовал и возглавил Кабинет Кавказа. Его ближайшими коллегами стали Л. Б. Панек и Л. И. Лавров. Трагическая гибель репрессированного Н. М. Маторина, руководителя тематики по изучению народных верований и религиозного синкретизма, заставила Л. И. Лаврова отойти от этой тематики. Под влиянием А. Н. Генко он занялся изучением языков и этнографии народов Северного Кавказа. Именно в 1936 г. Лавров публикует свою первую научную работу, начинает читать спецкурс по этнографии в ЛИФЛИ.

13 апреля 1938 г. был арестован его наставник А. Н. Генко. Представляется, что под влиянием этого и других обстоятельств Л. И. Лавров в оставшиеся до начала войны годы сконцентрировался на изучении истории и этнографии абазин. Это подтверждается и его публикациями, печатавшимися в 1940—1941 гг. в газете «Красная Черкесия». В центральных научных журналах он не решается опублико-

ваться. В эти годы им были подготовлены к печати «История абазинского народа», «Карачаевцы в период XIV—XVIII вв.», «История Балкарии до 1917 г.», из которых только незначительная часть первого труда увидела свет. Руководство Института привлекает его как специалиста к работе над статьями по народам Северного Кавказа для готовившегося в те годы справочника «Народы СССР».

С освобождением А. Н. Генко в январе 1940 г. активизировалась работа Лаврова над диссертацией. 3 апреля 1940 г. он сдавал кандидатский экзамен по истории Северного Кавказа комиссии в составе акад. В. С. Струве (председатель), профессоров А. Н. Генко и Е. Г. Кагарова и ученого секретаря Н. И. Насекина. Решение комиссии было единодушным: «Л. И. Лавров показал весьма детально знание источников (как письменных, так и вещественных) и литературы предмета, что дает ему возможность самостоятельного решения вопросов истории Северного Кавказа, а также хорошее знание не только прошлого, но и настоящего народов Кавказа. Комиссия оценивает его знания как отличные»⁶⁵.

После вступления в ряды народного ополчения добровольца Л. И. Лаврова назначают командиром взвода 277-го артиллерийско-пулеметного батальона 2-го стрелкового полка 80-й стрелковой дивизии. В октябре 1941 г. он получил свое первое ранение. В конце 1941 — начале 1942 г. Л. И. Лавров заместитель командира минометной роты 219-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии. 24 января 1942 г. он был ранен вторично. Все это время Лавров воевал на различных участках Ленинградского фронта, в том числе на знаменитом ожесточенными боями Ораниенбаумском плацдарме, о чем позднее ярко написал в своих военных мемуарах⁶⁶. Командование направляет Лаврова на преподавательскую работу: в 1942—1943 гг. он преподаватель военной топографии Великоустюгского пехотного училища, в 1943—1945 гг. — старший преподаватель военной истории того же училища, в 1945—1946 гг. — старший преподаватель Петрозаводского пехотного училища. Как участник войны Л. И. Лавров был награжден орденом Красной Звезды (4 мая 1945 г.) и медалями «За оборону Ленинграда» (23 апреля 1943 г.) и «За победу на Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (6 ноября 1945 г.).

Можно предполагать, что, занимаясь в 1942—1946 гг. преподавательской деятельностью в военных училищах, Л. И. Лавров находил время и для подготовки своей кандидатской диссертации. Известно, что 21 ноября 1945 г. он сдал кандидатский минимум по диалектическому и историческому материализму в Карело-Финском государственном университете в Петрозаводске, а 3 июля 1946 г., приехав в Ленинград, сдал кандидатский минимум по немецкому языку на кафедре западноевропейских языков АН СССР. 2 августа 1946 г. Лавров в звании капитана увольняется в запас. Приказом за № 182 от 30 августа 1946 г. его зачисляют на должность младшего научного сотрудника⁶⁷.

29 ноября 1946 г. под председательством старшего научного сотрудника Е. Э. Бломквист состоялось заседание группы Европы и Кавказа ленинградской части Института этнографии. Обсуждалась работа Л. И. Лаврова «История абазинского народа». В принятом группой постановлении отмечалось: «Считать обсуждаемую работу Л. И. Лаврова весьма ценной и интересной, вносящей яркий вклад в кавказоведение и вполне достойной для представления ее от группы Европы и Кавказа как диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук»⁶⁸. 13 декабря 1946 г. защита успешно прошла в Ленинграде в Институте востоковедения АН СССР. Оппонентами выступали проф. И. П. Петрушевский и Л. Б. Панек, высоко оценившие исследование Л. И. Лаврова. Нельзя не упомянуть, что в заседании ученого совета принимали участие академики В. В. Струве, А. П. Баранников, С. А. Козин, И. Ю. Крачковский, члены-корреспонденты АН СССР С. Е. Малов, А. А. Фрейман, П. В. Ернштедт, Н. В. Пигулевская, чл.-кор. АН УзбССР А. К. Боровков, т. е. цвет отечественного востоковедения.

В послевоенные годы Л. И. Лавров много работает, часто выезжает в этнографические экспедиции, регулярно принимает участие в научных конференциях

и симпозиумах и т. д. С 1951 г. он старший научный сотрудник. В центре его внимания этническая история и культура народов Северного Кавказа и Дагестана, а также абхазов. Лавров занимается вопросами кавказского земледелия, специфики рабовладения на Кавказе. Он выступает пионером рассмотрения вольных обществ, предпринимает успешные попытки реконструкции местного фольклора, синкретических верований как целостной системы, приступает к изучению истории советского периода отечественного кавказоведения и т. д. Активное участие принимал Л. И. Лавров и в издании таких коллективных обобщающих работ, как «Народы Дагестана» (1955 г.), первого и второго томов «Народы Кавказа» (1960 г.). Важное место в научном наследии ученого занимают его исследования по эпиграфике. В 1967 г. он успешно защитил в Институте этнографии докторскую диссертацию «Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XIX вв. как историко-этнографический источник»⁶⁹.

Л. И. Лавров — один из ведущих организаторов отечественного кавказоведения. С июля 1957 по август 1961 г. он заведовал, живя в Ленинграде, сектором Кавказа Института этнографии в Москве, в дальнейшем руководил группой Кавказа, Средней Азии и Казахстана ленинградской части института. В 60-е годы по его инициативе был создан и плодотворно работал при Кабинете Кавказа ленинградского отделения Института востоковедения городской семинар кавказоведов. С 1976 г. он стал проводить в ленинградской части Института этнографии Среднеазиатские (теперь Лавровские) чтения, объединившие научные силы кавказоведов страны. Его ученики ныне плодотворно работают в научных учреждениях Петербурга, Москвы, на Северном Кавказе и в Закавказье.

В последние годы жизни Л. И. Лавров немало сил отдавал военно-патриотической работе. Он был членом президиума Совета ветеранов Ораниенбаумского плацдарма и членом бюро Совета ветеранов Ленинградской армии народного ополчения. Не изгладятся из памяти его военные воспоминания — рассказы о боевых друзьях, о фронтовом братстве. Тот, кто слышал пение Л. И. Лаврова, не забудет исполнение им украинских и русских народных песен, а также песен фронтовых лет... У него было много самых разнообразных планов, но скоропостижная смерть 7 апреля 1982 г. не дала возможности им осуществиться. При жизни в дни юбилейных торжеств по случаю Дня Победы Л. И. Лавров неизменно получал поздравления от руководства Ломоносовского района и Совета ветеранов Ораниенбаумского плацдарма. 12 июля 1971 г. Ленинградский областной совет депутатов трудящихся наградил его почетной грамотой за военно-патриотическую работу. Но в захоронении капитана Лаврова на кладбище защитников Ломоносовского (Ораниенбаумского) плацдарма родственникам покойного было отказано. После кремации урна с прахом Л. И. Лаврова была захоронена на его родине в станице Пашковской. Эту миссию выполнила его супруга этнограф Наталия Николаевна Гревенс (1914—1993).

Приказом за № 122 от 7 июля 1941 г. по Институту в связи с мобилизацией в ряды РККА с 7 июля был уволен электромонтер *Юлий Николаевич Смиркович*⁷⁰. Он родился 28 апреля 1904 г. в Лодзи в русской семье, родители работали на ткацких фабриках. В Ленинграде он с 1924 г. Работал электромонтером с 1932 г. — в Торгсине, а после его ликвидации в 1934 г. — в ГАИМКе. С 19 апреля 1939 г. Смиркович — научно-технический сотрудник гальванопластической лаборатории отдела фольклора Института русской литературы. 8 сентября 1939 г. его призвали для переподготовки в РККА. После демобилизации из армии он работал электромонтером в Институте этнографии с 1 июня 1940 г. до 7 июля 1941 г., т. е. до призыва в действующую армию. Сведениями о дальнейшей судьбе Ю. Н. Смирковича я не располагаю.

Приказом по Институту этнографии за № 125 от 10 июля 1941 г. был отчислен из штата сотрудников аспирант *Сергей Руфович Смирнов*, ушедший на фронт добровольцем⁷¹. Он родился 15(28) октября 1909 г. в д. Бутурлиновка Бобровского уезда Воронежской губернии в семье земского врача. Мальчик рано лишился родителей и с 1918 г. воспитывался у тетки, тоже врача, в Торжке. Здесь он

закончил семилетку и поступил в педагогический техникум, но после окончания второго курса в 1928 г. уехал в Казахстан работать в сельской школе. Потом Смирнов по году учительствовал в сибирском крае и на Дальнем Востоке и в течение 3 лет — на Крайнем Севере. В 1924 г. он вступил в комсомол, однако через 6 лет выбыл из его рядов. Однажды Смирнов не снялся с учета при перемене места работы и по прошествии некоторого времени не смог восстановиться. В 1934 г. он поступил в открытый в Ленинградском историко-филологическо-лингвистическом институте (ЛИФЛИ) африканский сектор. С 1936 г. Смирнов занимается африканскими языками, читает лекции от областного совета Союза воинствующих безбожников.

В 1937 г. литературный и лингвистический факультеты ЛИФЛИ были преобразованы в филологический факультет, который включили в состав ЛГУ. Именно этот факультет и закончил в 1939 г. С. Р. Смирнов. Молодой дипломированный африканист с 1 сентября 1939 г. был зачислен в аспирантуру Института этнографии, его научным руководителем был утвержден Д. А. Ольдерогге, тогда кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В первый год пребывания в аспирантуре Смирнов усиленно занимался языками, штудировал литературу по теме; ему предстояло подготовить диссертацию по этнографии южных банту. Для подготовляемого в те годы Институтом издания «Очерки по первобытнообщинному строю» Смирнову было поручено написать статью по этнографии одного из племен Конго. Он готовился к сдаче кандидатского экзамена по этнографии Африки.

Война прервала его научные занятия в аспирантуре; в июле он ушел в РККА добровольцем и участвовал в боях под Ленинградом. Приказом за № 218 от 24 ноября 1941 г. Смирнов был восстановлен в аспирантуре в связи с демобилизацией его из рядов Красной Армии. 22 ноября 1941 г. он приступил к исполнению своих обязанностей. В некрологах по случаю кончины С. Р. Смирнова в 1969 г. напишут, что он был отозван из армии для продолжения занятий в аспирантуре. Едва ли кто-нибудь из командования, принимая решение о демобилизации молодого ученого, задумывался над судьбами отечественной африканистики. Скорее всего это решение было связано с болезнью С. Р. Смирнова. В блокадном Ленинграде ему помогло выжить то, что он с 18 октября 1941 г. по 9 февраля 1942 г. работал вольнонаемным санитаром в одном из эвакогоспиталей Народного комиссариата обороны, где имелась возможность подкормиться чуть лучше, чем просто в положении аспиранта АН СССР.

9 февраля 1942 г. он был эвакуирован и откомандирован в Казань в распоряжение Управления кадров Президиума АН СССР для дальнейшей подготовки и использования по избранной им специальности. Потом был Ташкент, откуда Смирнов вернулся уже не в Ленинград, а в Москву. В январе 1946 г. он получил работу в Институте этнографии, где в декабре того же года защитил кандидатскую диссертацию «Восстание махдистов в Судане». Здесь же в 1968 г. состоялась его защита в качестве докторской диссертации монографии «История Судана (1821—1956 гг.)». В этом капитальном труде убедительно была раскрыта роль освободительного движения в укреплении национального самосознания. С. Р. Смирнов принимал деятельное участие в подготовке тома «Народы Африки» — первого из 18-томной фундаментальной серии «Народы мира». Его работы издавались также на немецком и английском языках. В 1959 г. он перешел в только что созданный Институт Африки, где возглавил сектор истории. Через 10 лет, 25 мая 1969 г., С. Р. Смирнова не стало. Остались его ученики, научные идеи, публикации⁷².

Из приказа № 129 от 15 июля 1941 г. по институту: «§ 2. В связи с уходом младшего научного сотрудника Кукулевича А. М. добровольцем в Красную Армию с 12 июля с. г. выдать ему 2-недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г.»⁷³. Из приказа № 130 от 19 июля 1941 г. по институту: «§ 1. Уволить младшего научного сотрудника Кукулевича А. М. с 12 июля 1941 г. в связи с зачислением его в командный состав Добровольческой дивизии, согласно его просьбы»⁷⁴.

Анатолий Михайлович Кукулевич родился 28 февраля (13 марта) 1913 г. в

Санкт-Петербурге в семье служащего ⁷⁵. В октябре 1930 г. он поступил после окончания средней школы в Ленинградский институт прикладной зоологии и фитопатологии. 1 мая 1935 г. Кукулевич, став дипломированным энтомологом, начал свою трудовую деятельность по специальности и закончил ее 1 сентября 1935 г. в должности карантинного инспектора областного здравуправления. Дело в том, что еще 1 сентября 1934 г. он поступил в экстернат Ленинградского историко-филолософско-лингвистического института, а в 1935 г., оставив работу, был зачислен в действительные студенты. Уже с третьего курса Кукулевич вел исследовательскую работу в области изучения литературы и фольклора, в частности готовил статью на тему «Современная волшебная сказка и эпос». Сам автор отзывался о своей деятельности так: «Работа ведется мною в плане стадийного изучения русского фольклора» ⁷⁶. Он активно участвует в научной жизни, выступая с докладами по различной тематике.

В 1938 г. на студенческой научной сессии, посвященной акад. А. Н. Веселовскому, он прочитал доклад «Композиция „Илиады“ и „Одиссеи“ в свете композиции волшебных сказок (о так называемом „законе хронологической несовместимости“», а на заседании кафедры классической филологии — доклад «К вопросу о толковании некоторых терминов в „Поэтике Аристотеля“». 1 июля 1939 г. Кукулевич с отличием закончил филологический факультет ЛГУ по специальности литературовед-русист. По окончании университета А. М. Кукулевич был выдвинут кафедрой фольклора филологического факультета ЛГУ и профессорами И. И. Толстым, Г. М. Гуковским, М. К. Азадовским и В. Я. Проппом в аспирантуру. Он сдал на отлично все вступительные экзамены и был зачислен для продолжения учебы в аспирантуру ЛГУ с 1 сентября 1939 г. Однако вскоре его неожиданно призвали для прохождения воинской службы в РККА. С 27 февраля по 3 октября 1940 г. он рядовой 101-го Краснознаменного гаубичного артполка, откуда был уволен и снят с военного учета по состоянию здоровья.

9 октября 1940 г. в Ленинграде Кукулевич подает заявление директору Института русской литературы с просьбой зачислить его в аспирантуру. В связи с этим заведующий отделом фольклора этого института проф. М. К. Азадовский дал положительный отзыв о научной работе А. М. Кукулевича. Он, в частности, писал: «В его лице сочетаются и прекрасно подготовленный фольклорист, и историк литературы» ⁷⁷. Для дополнительного заработка — у него была семья — он устроился лектором во Дворце пионеров. 11 марта 1941 г. его зачисляют в штат Института этнографии на должность младшего научного сотрудника с возложением на него обязанностей ответственного секретаря редакционно-издательской части института. Привлекали Кукулевича и к выполнению других поручений, в частности, одно время он исполнял обязанности ученого секретаря института. Вне института Кукулевич вел интенсивную преподавательскую деятельность. С 1 февраля 1941 г. он преподаватель русского фольклора на заочном секторе ЛГУ: читает 80-часовой курс и должен 1 раз в месяц (в первую пятницу) присутствовать на заседании кафедры фольклора ЛГУ. С 18 по 25 мая 1941 г. Кукулевич выезжал в Вологду для чтения лекций по фольклору в Вологодском педагогическом институте.

Несмотря на занятость научно-организационной и лекционно-преподавательской работой, он продолжает публиковаться в различных изданиях по разнообразной фольклорной и литературоведческой тематике ⁷⁸. Неопубликованных работ его в архиве МАЭ нет, хотя сам он отмечал, что у него имеется пять печатных и рукописных работ. Можно предположить, что последние в самый канун войны были направлены им в редакции различных журналов. Судьба их неизвестна.

Хотя А. М. Кукулевич и был снят с военного учета, он добровольцем пошел в Красную Армию и сражался под Ленинградом ⁷⁹. 27 января 1942 г. интендант 3-го ранга Кукулевич погиб в бою. Он похоронен в братской могиле на юго-западной окраине г. Колпино Ленинградской обл. ⁸⁰

Согласно приказу по институту за № 142 от 8 августа 1941 г. с 9 августа уволен заведующий хозяйством Н. Е. Панов в связи с уходом в РККА по мобилизации.

Николай Ефимович Панов родился 6 декабря 1895 г. в д. Санники Торбельской волости Смоленской губернии в крестьянской семье⁸¹. Закончив пять классов сельской школы, он вынужден был уйти из семьи: в 1910 г. Николай уже трудился чернорабочим в Москве. В 1915—1917 гг. Панов служил в старой армии. В 1917—1920 и 1923—1926 гг. он работал на Юго-Западной железной дороге (перерыв был вызван призывом на службу в Красную Армию). В 1926—1937 гг. Н. Е. Панов — на хозяйственной работе в г. Виннице, в том числе в органах НКВД. В 1938 г. он переехал в Ленинград и работал в различных учреждениях города. С 26 мая 1941 г. его принимают в штат Института этнографии на должность заведующего хозяйством. С 9 августа 1941 г. Н. Е. Панов в связи с уходом в ряды РККА по мобилизации был уволен. Сведениями о дальнейшей судьбе я не располагаю.

23 августа 1941 г. старший научный сотрудник В. В. Гинзбург был уволен из института по сокращению штатов и сосредоточился на работе в Военно-медицинской академии. *Вульф Вениаминович Гинзбург* родился 4 марта 1904 г. в Курске в семье мелкого конторского служащего⁸². В 1921 г. он поступил в Киевский медицинский институт, но в 1923 г. был переведен в Ленинградский государственный институт медицинских знаний, который и закончил в июне 1926 г., получив квалификацию врача. Одновременно в 1924—1926 гг. Гинзбург работал воспитателем в детском доме в Ленинграде. Осенью 1926 г. его призвали на год в РККА. Последующие 4 года он на сверхсрочной службе в качестве врача при лазарете 22-го полка НКВД. Параллельно с 1929 г. В. В. Гинзбург начал преподавательскую деятельность на кафедре нормальной анатомии 1-го Ленинградского медицинского института сначала в качестве сверхштатного, а с 1931 г. — штатного ассистента. После демобилизации он поступил в аспирантуру АН СССР, где занимался под руководством Б. Н. Вишневого. В 1932 и 1933 гг. Гинзбург вел антропологические исследования в Таджикистане. В эти годы в полной мере проявились его разносторонние интересы как антрополога, анатома и даже этнографа.

25 июля 1935 г. Президиум АН СССР за работу «Материалы по антропологии таджиков» утвердил В. В. Гинзбурга в ученой степени кандидата антропологии. В 1937 г. она была издана в качестве монографии под названием «Горные таджики». В 1936/1937 учебном году он вел самостоятельный курс анатомии человека на биологическом факультете Педагогического института им. А. С. Бубнова. С 1937 г. Гинзбург начал работать на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии в качестве штатного преподавателя. 24 января 1938 г. Президиум АН СССР утвердил его в ученом звании старшего научного сотрудника. С 16 февраля 1938 г. он старший научный сотрудник, заведующий отделом антропологии МАЭ при Институте этнографии. Успешно продолжалась экспедиционная деятельность Гинзбурга: за период с 1932 по 1939 г. он принял участие или руководил шестью медико-антропологическими экспедициями в Таджикистан, Туркмению и Карелию. В 1938—1941 гг. им прочитан курс антропологии на кафедре этнографии филологического факультета ЛГУ. 23 ноября 1939 г. ВАК утвердил его в должности и звании доцента. В 1939—1941 гг. под руководством Гинзбурга в МАЭ проводится реэкспозиция отдела «Происхождение человека и развитие первобытного общества».

23 августа 1941 г. он был уволен из Института этнографии в связи с частичным сокращением объема работ и сосредоточился на преподавательской работе в Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (в кадры Красной Армии его перевели еще в марте 1939 г.). С академией он был эвакуирован 14 ноября 1941 г. в Самарканд. В период пребывания здесь в 1942—1944 гг. В. В. Гинзбург много занимался научной и преподавательской деятельностью, практически работал в госпитале как патологоанатом, используя полученный материал как для обучения слушателей академии, так и в целях повышения квалификации врачей. С 1 октября 1944 г. он был зачислен по совместительству на должность старшего научного сотрудника заведующего отделом антропологии МАЭ. 11 декабря 1944 г. в ученом совете Военно-медицинской академии В. В. Гинзбург успешно защитил диссер-

тацию «Пути оттока лимфы из мышц нижней конечности» на соискание ученой степени доктора медицинских наук. 26 мая 1945 г. ВАК утвердил его в искомой ученой степени.

С 11 февраля 1951 г. по 1 апреля 1958 г. В. В. Гинзбург не работал в Институте этнографии в связи с запрещением работы по совместительству. С 1 апреля 1958 г. он возвращается в институт, где по совместительству работает на должности старшего научного сотрудника. В январе 1959 г. его назначают руководителем ленинградской группы сектора антропологии и руководителем антропологической и археологической части МАЭ. 4 сентября 1959 г. полковник медицинской службы В. В. Гинзбург был уволен в запас и полностью сосредоточился на работе в Институте этнографии. Имя ученого-антрополога В. В. Гинзбурга связано прежде всего с изучением коренных проблем антропологии древнего и современного населения Средней Азии и Казахстана, а также Кубы. Значителен его вклад в область анатомии. Признанием заслуг Гинзбурга в этой области было утверждение его в 1949 г. в звании профессора по кафедре нормальной анатомии и избрание членом президиума Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов. Он автор свыше 150 научных работ⁸³.

В. В. Гинзбург был удостоен ряда правительственных наград: орденов Красной Звезды (1950 г.) и Красного Знамени (1954 г.) и медалей «За победу над Германией в 1941—1945 гг.» (1945 г.) и «За оборону Ленинграда» (1946 г.). В 1940 г. вступает в партию. Умер В. В. Гинзбург 21 февраля 1969 г. в г. Ленинграде и похоронен на мостках Военно-медицинской академии Богословского кладбища.

Из приказа за № 181 от 22 сентября 1941 г. по Институту этнографии: «§ 1. И. о. ученого секретаря института Насекин Н. И. зачислен в Красную Армию с 16 сентября 1941 г. с сохранением должности и получаемого оклада. § 2. Младший научный сотрудник Кондауров А. Н. зачислен в Красную Армию с 21 сентября 1941 г. с сохранением должности и получаемого оклада»⁸⁴.

Николай Ильич Насекин родился 4 апреля 1898 г. в Москве в рабочей семье⁸⁵. После окончания Торговой школы Московского биржевого комитета в 1914 г. он работал и одновременно учился на юридическом факультете университета им. Шанявского. В январе 1917 г. его призывают на военную службу. В октябре 1919 г. Насекин вступил в ряды РКП(б) и стал заниматься политработой. В рядах РККА он пребывал до августа 1938 г. В 1931—1934 гг. Н. И. Насекин обучался в Ленинграде на экономическом факультете Института красной профессуры, одновременно преподавал политэкономия в Военно-политической академии. В августе 1938 г. после увольнения из армии в запас по состоянию здоровья он получил путевку на работу в Институт этнографии. С 10 ноября 1938 г. он помощник, а с 15 января 1939 г.—исполняющий обязанности ученого секретаря института.

Война застала Н. И. Насекина в отпуске. Прервав его, он вернулся в Ленинград. С 22 июля 1941 г. в составе группы сотрудников Института Николай Ильич находился на выполнении трудовой повинности согласно наряду Василеостровского райсовета. События в те дни в Ленинграде разворачивались быстро, резко изменяя судьбы людей. После работы на оборонительных сооружениях по приказу дирекции Насекин с 15 сентября 1941 г. был переведен на казарменное положение, а уже буквально со следующего дня он был призван в ряды действующей армии. Однако институт отчислил его с сохранением должности и получаемого оклада. Очевидно, надеялись на скорое возвращение. Только приказом по институту от 21 мая 1942 г. ученый секретарь Н. И. Насекин с 1 апреля того же года был отчислен из штата как находящийся в рядах Красной Армии.

Александр Николаевич Кондауров был призван в Красную Армию с 21 сентября 1941 г., но вскоре возвращен в институт: по состоянию здоровья он не мог служить в войсках. А. Н. Кондауров умер в блокадном Ленинграде 17 февраля 1942 г.⁸⁶

В связи с призывом в ряды РККА приказом № 184 от 26 сентября 1941 г. был уволен старший кочегар А. Шакуров. *Ади Шакуров* родился в 1902 г. в д. Череево Анастасовского уезда Казанской губернии в крестьянской семье⁸⁷ ~~в семье~~ пять

классов татарской школы, он то уезжал на работу в Москву и Ташкент, то возвращался крестьянствовать в родную деревню. В 1932 г. Шакуров переехал в Ленинград к брату, работал землекопом, грузчиком, с 9 декабря 1937 г. он кочегар, а с 1 августа следующего года — старший кочегар Института этнографии. Здесь же работала его жена Г. Шакурова. К моменту поступления на работу в институт его трудовой стаж насчитывал 13 лет и 3 года службы в РККА. С сентября 1939 г. по июль 1940 г. он опять в рядах РККА. Василеостровский райвоенкомат Санкт-Петербурга подтверждает только сам факт его последнего призыва 26 сентября 1941 г. Сведений о дальнейшей судьбе Шакурова нет, хотя его имя значится на институтской доске памяти среди погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Приказом № 227 от 10 декабря 1941 г. был отчислен научно-технический сотрудник А. Ф. Симонов ввиду его мобилизации в РККА. *Александр Федорович Симонов* родился в 1899 г. в Ярославской губернии в бедной крестьянской семье, которая смогла дать ему лишь начальное образование в сельской школе⁸⁸. Известно только, что в Институт этнографии его зачислили 13 февраля 1940 г. на должность столяра, а с 1 мая 1941 г. он был переведен в научно-технические сотрудники. С начала войны Симонова отправляют на оборонные и трудовые работы. После ухода его на службу в Красную Армию 11 декабря 1941 г. данными о его судьбе я не располагаю. Согласно сведениям, полученным 25 января 1995 г. в Куйбышевском райвоенкомате Санкт-Петербурга и Куйбышевском отделении «Книги памяти», А. Ф. Симонов 4 марта 1944 г. пропал без вести.

Последним в действующую армию в 1941 г. был призван дворник К. Н. Шакуров (приказ № 229 от 16 декабря 1941 г.). *Кабир Назирович Шакуров* родился в 1898 г. в д. Череево Анастасьевского уезда Казанской губернии в татарской семье⁸⁹. В 1925 г. он приехал в Ленинград и устроился землекопом на Мурманской железной дороге. С 18 августа 1926 г. Шакуров — дворник при главном здании Академии наук. Более спокойной ему показалась та же должность при Институте этнографии, куда он перевелся с 1 марта 1934 г. Приказом № 229 от 16 декабря 1941 г. он был уволен с 17 декабря в связи с его призывом в ряды Красной Армии. Сражался под Ленинградом, в боях с врагами был тяжело ранен. 18 января 1942 г. К. Н. Шакуров умер в госпитале от полученных ранений⁹⁰.

Вскоре после начала войны вступил в народное ополчение студент ЛГУ и по совместительству экскурсовод МАЭ *Анатолий Иванович Собченко*⁹¹. Он родился 28 июля (10 августа) 1912 г. в Санкт-Петербурге в семье наборщика. В 1918 г. вместе с семьей Анатолий оказался в Омске, где окончил в 1926 г. шесть классов, но вынужден был бросить учебу. В 1927 г. он поступил в школу ФЗУ, по окончании которой в 1930 г. получил квалификацию столяра. В том же году Собченко начал свой рабочий путь на строительстве на ст. Вавилово, на Урале, а спустя 3 года уехал оттуда в Ленинград, где в 1933 г. устроился по своей специальности на авторемонтный завод и одновременно продолжил учебу в вечерней школе. С октября 1936 по июль 1937 г. он на физкультурной работе в добровольном спортивном обществе «Буревестник». Отслужив год в армии, в сентябре 1938 г. Собченко поступает на рабфак Института советской торговли, а в октябре 1939 г. — на индо-тибетское отделение филологического факультета ЛГУ. Учебу в университете он успешно совмещает с работой экскурсоводом в МАЭ по отделах Индии, Китая и Японии.

После вступления в народное ополчение А. И. Собченко вскоре направляют на фронт, в 1-й стрелковый полк, но в районе совхоза «Муравейный» он попадает в окружение, из которого ему удается вырваться. Попав второй раз в окружение в районе ст. Мошенское Новгородской обл., он был ранен в ногу, в живот и в руку. 29 августа 1941 г. раненый Собченко оказался в плену у немцев, где находился до 10 апреля 1945 г. Его помещают в различные концлагеря: Луга, Режица, Двинск, Ховельхоф, Хеммер, Эссен. Несколько раз Анатолий Иванович пытался бежать, но неудачно: каждый раз его возвращали и наказывали. Наконец, четвертая попытка в марте 1945 г. увенчалась успехом: побег был совершен во время

эвакуации. Собченко скрывался в Эссене до прихода американцев. Летом 1945 г. он был репатрирован в Штеттин в советскую оккупационную зону. Здесь он снова стал солдатом Красной Армии.

В октябре 1945 г. А. И. Собченко демобилизовался, вернулся в Ленинград и восстановился на индо-тибетском отделении воссозданного восточного факультета ЛГУ. Заведующий кафедрой индийской филологии акад. А. П. Баранников так отзывался о своем ученике: «Специальный интерес Собченко проявил к индийской этнографии. Он много работал в этой области. Его дипломная работа посвящена индийскому театру и рассматривает преимущественно народные формы индийского театрального искусства». После окончания в 1949 г. университета он начинает работать в отделе Индии Института этнографии, участвует в создании экспозиций отделов Индии и Индонезии. Молодого специалиста привлекают для написания статьи о гуджаратцах для тома «Народы Южной Азии» из серии «Народы мира».

Вскоре ему отказывают в работе по индийской этнографии и его соглашается взять в руководимый им отдел Африки Д. А. Ольдерогге. Пришлось полностью переквалифицироваться: из индолога Собченко предстояло стать африканистом. Он с честью и достоинством прошел этот тернистый путь. С 27 сентября 1951 г. Собченко — младший научный сотрудник, в 1957—1961 гг. — ученый секретарь ленинградской части Института этнографии, 12 марта 1963 г. им защищена в Москве в Институте этнографии диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Этнический состав Конго». С 9 марта 1966 г. он старший научный сотрудник отдела Африки, много и успешно работает над изучением музейных коллекций по Африке, хранящихся в МАЭ, а также подготавливает ряд работ, посвященных исследованию этнического состава молодых африканских государств. А. И. Собченко автор около 70 научных работ⁹². Он активно сотрудничал в создании справочных изданий: для БСЭ им написано около 50 и для энциклопедического словаря «Африка» — свыше 30 статей. С 1954 г. на кафедре африканистики восточного факультета ЛГУ Собченко читал курс лекций по истории материальной культуры, а также отдельные этнографические спецкурсы на историческом и философском факультетах, факультете психологии. В мае — июне 1967 г. им был прочитан курс «Основы этнографии» на гуманитарном факультете Новосибирского университета, за что получена благодарность декана факультета акад. А. П. Окладникова. А. И. Собченко был активным членом общества «Знание», по заданию которого часто выступал с лекциями о международном положении, о ситуации в Африке.

16 марта 1973 г. А. И. Собченко по состоянию здоровья вышел на пенсию. Умер 14 декабря 1983 г., и прах его покоится в колумбарии Ленинградского крематория.

Других здоровых и подлежащих по возрасту призыву в армию мужчин среди сотрудников Института этнографии АН СССР уже не было.

В 1942 г. была мобилизована для работы в строительной колонне старший рабочий *Галина Александровна Каморина*⁹³. Она родилась в 1912 г. в Ярославской губернии. Ее биография до 1940 г. известна плохо. С 4 октября 1940 г. по 26 июля 1941 г. она работала в артели «Объединенный швейник», но была уволена в связи с сокращением штатов. Привлекалась к строительству оборонительных сооружений в окрестностях города. С 18 марта 1942 г. Галина Александровна была зачислена на должность вахтера в Институте этнографии, а с 16 апреля переведена в рабочие и отправлена на трудовые работы на ст. Пери. С 22 октября 1942 г. приказом по институту за № 108 она была освобождена от исполнения обязанностей старшего рабочего в связи с мобилизацией и зачислением ее в строительную колонну Василеостровского райвоенкомата Ленинграда. Явиться для прохождения службы Каморина должна была на ст. Пери. Известно, что она однажды приходила в институт и просила, чтобы дирекция ходатайствовала о ее возвращении на прежнюю работу. 28 декабря 1943 г. институт просил майора Беляева (полевая почта 33 522 «А») в связи с подготовкой к восстановлению деятельности института и музея при нем откомандировать обратно в распоряжение

института научно-технического сотрудника Каморину Г. А., но ответа не последовало. Василеостровский военкомат не располагает сведениями о судьбе Г. А. Камориной.

В июле 1941 г. Василеостровский районный комитет Красного Креста выдал дружиннице Е. К. Ивановой удостоверение о том, что она с 5 по 18 июля 1941 г. находилась в добровольной дивизии Василеостровского района г. Ленинграда. *Елена Константиновна Иванова* родилась в августе 1915 г. в Новосибирске в семье служащего⁹⁴. В 1930 г. она поступила в Новосибирский педагогический техникум на библиотечное отделение, которое и закончила в 1933 г. Еще в 1932 г. Иванова вступила в комсомол. В 1935 г. она уехала в Ленинград и поступила там на первый курс филологического факультета ЛГУ. Во время учебы в университете ей пришлось пережить тяжелое испытание и после мучительных переживаний принять требуемое решение. Кому-то стало известно, что она переписывается с матерью, живущей в Германии. Дело в том, что еще в 1925 г. умер ее отец, и мать вскоре вышла замуж за бывшего немецкого военнопленного, работавшего переводчиком в краевой немецкой газете «Landmann». В 1930 г. она уехала с мужем на его родину, где устроилась работать швеей. В 1937 г. за переписку с матерью Елену исключили из комсомола. Сложившиеся обстоятельства заставили ее отказаться от дальнейшей переписки с матерью. В 1939 г. она была восстановлена в рядах ВЛКСМ.

Все экзамены Иванова сдавала только на отлично, в ее зачетной ведомости значится только одна оценка «хорошо» — по военной подготовке. 29 июня 1940 г. она получила диплом с отличием по специальности «индийские языки и литературы». Решением Государственной экзаменационной комиссии ей была присвоена квалификация «филолог-индолог». Заведующий кафедрой акад. А. П. Баранников, рекомендуя ее в аспирантуру, писал: «За весь период университетской учебы Е. К. Иванова выделялась из всего состава группы индологов своей дисциплинированностью и большими способностями, и широтой научных интересов, и большими способностями к научной работе... Из нее при наличии надлежащих условий может выработаться ценный научный работник».

С 1938 г. Е. К. Иванова водила экскурсии по МАЭ, приобщаясь таким образом к этнографии. Любовь в этой науке привела ее в Институт этнографии, где она с 1 сентября 1940 г. была зачислена в аспирантуру по специальности «этнография Индии», научным руководителем ее стал акад. А. П. Баранников. У него же Иванова продолжала заниматься санскритом, у В. М. Бескровного — хиндустани, в 1940/1941 учебном году на кафедре этнографии ЛГУ прослушала курс общей этнографии у проф. И. Н. Винникова. Е. К. Иванова целеустремленно и много работала, что позволило ей за период с 1 сентября 1940 г. по 31 августа 1941 г. сдать все экзамены по кандидатскому минимуму на отлично. С началом войны она работала на оборонных работах, была сандружинницей. В связи с эвакуацией научного руководителя она попросила дирекцию института отчислить ее из аспирантуры. Дальнейшая ее судьба после 31 августа 1941 г. неизвестна. Нет о ней сведений и в Василеостровском райвоенкомате.

Итак, 9 мая 1945 г. победоносно завершилась самая кровопролитная в мировой истории война на Западе. Некоторым воинам суждено было еще принять участие в кратковременной войне на Востоке — она закончилась 2 сентября 1945 г. Убитые остались на полях сражений. Не всегда известно, кто, где и когда сложил голову. Мы не знаем, сохранились ли их имена на табличках братских могил. Пропавшие без вести за последние 50 лет не дали о себе знать. И теперь ясно, что и в дальнейшем они не объявятся. Живые вернулись в родной институт и музей, продолжили свой труд на поприще науки, и каждый из них в меру возможностей проявил себя.

После Победы поредевшие ряды сотрудников ленинградской части Института этнографии в разные годы пополнили бывшие воины Великой Отечественной войны. Это научные сотрудники В. П. Якимов, Ю. В. Кнорозов, К. Д. Лаушкин, В. Р. Кабо, Л. М. Сабурова, О. С. Томановская, Э. Е. Фрадкин, Р. А. Ксенофонтова,

Л. Л. Викторова, К. В. Чистов, О. Л. Вильчевский, Н. В. Новиков, административно-технические сотрудники В. Д. Карпихин, А. В. Маторин, И. В. Скресанов, М. Г. Слесарев, А. П. Смирнов, М. М. Крюкова, Н. М. Федоров, М. П. Гробовский и др. Немало бывших фронтовиков, выживших в крошечном аду войны, пришли и в организованную по решению Президиума АН СССР от 21 декабря 1942 г. московскую группу, затем — отделение института. Среди них: С. П. Толстов, С. И. Брук, В. И. Кочнев, В. И. Козлов, Я. Р. Винников, Б. А. Калоев, Г. И. Анохин, Б. В. Андрианов, Ю. В. Бромлей... Все они отдавали свои силы на разгром фашизма, нацизма в годы войны, а в мирные дни стали самоотверженно трудиться, не заботясь о выгоде, работали честно, на совесть, поддерживая всю оставшуюся жизнь воинское братство. Может быть, не очень задумывались над причинами трудностей послевоенной жизни. А трудностей им и в этот период пришлось пережить, преодолеть немало.

Со времени окончания Великой Отечественной войны прошло уже полвека. Историками немало написано об этом историческом событии. Не мне судить об этой литературе, но нельзя не отметить, что почти вся она создавалась, что называется, на потребу дня. Выпячивались сначала одни личности и события, затем другие. Порой создается впечатление, что главным для политиков и историков является определение роли той или иной исторической личности, благодаря которой была выиграна война. Назывались имена И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, Г. К. Жукова...

Хочется верить, что военная история тоже станет наукой, будут освоены и объективно оценены архивные документы и материалы, а также писавшиеся в разное время мемуары... Подлинная история этой воистину великой всенародной войны должна быть в конце концов написана.

Всю тяжесть войны вынесли на своих плечах простые советские люди, воевавшие на фронтах и трудившиеся в тылу. Они сообща добывали Победу. Одну на всех: за ценой не стояли.

Сейчас повсеместно создаются «Книги памяти», в которых будут названы имена погибших и пропавших без вести. В Санкт-Петербурге издан первый том этой большой и очень нужной книги... Никто не забыт. Ничто не забыто...

Эта статья — дань памяти воинам, сотрудникам Института этнографии АН СССР⁹⁵.

Примечания

⁴² О Н. Б. Шнакенбурге см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376, 422, 426. Л. 106. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40. Оп. 1. (1942). Д. 32. Л. 16.

⁴³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Л. 23.

⁴⁴ Там же. Л. 14.

⁴⁵ Там же. Л. 12.

⁴⁶ Шнакенбург Н. Б. Пути сообщения Чукотского полуострова // *Arctica*. Кн. 3. Л., 1935. С. 163—197; его же. Нымыланы-кэрэки // *Сов. Север*. 1939. № 3. С. 96—116; Меновщиков Г. А. (с использованием материалов Н. Б. Шнакенбурга). Эскимосы // *Народы Сибири*. М., Л., 1956. С. 934—949; Антропова В. В. Коряки // *Народы Сибири*. С. 950—977 (в основу описания дореволюционного быта положена статья С. Н. Стебницкого и Н. Б. Шнакенбурга).

⁴⁷ Эту версию приводит и В. Н. Вологодина. См.: *Вологодина В. Н.* Из истории Кунсткамеры: музейные работники в годы войны и блокады // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. Вып. 4. СПб., 1994. С. 182.

⁴⁸ Лавров Л. И. Из записок ополченца // *Ораниенбаумский плацдарм*. Л., 1971. С. 63.

⁴⁹ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Ф. 1109. Д. 675. Л. 5.

⁵⁰ В личном деле Н. Б. Шнакенбурга мною обнаружено письмо такого содержания: «15 июля 1941 г. Командиру 2-го батальона В. О. добровольческой дивизии.

По распоряжению директора института при сем препровождается на Ваше рассмотрение письмо добровольца 6-й роты вверенного Вам батальона Н. Б. Шнакенбурга. И. о. ученого секретаря (Н. И. Насекин)». См. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 476. Л. 1. Трудно точно предположить, что содержалось в письме Н. Б. Шнакенбурга своим коллегам в институт, но возникает вопрос, о чем сигнализировал директор института И. Н. Винников командирам своего бывшего сотрудника.

⁵¹ О Д. Н. Льве см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40. Оп. 1 (1942). Д. 32. Л. 17. Оп. 5. Д. 138,

308, 426. Л. 53; *Борисковский П. И., Окладников А. П. Д. Н. Лев (некролог)*//Сов. археология. 1970. № 3. С. 298—299.

⁵² *Лев Д. Н.* К вопросу о происхождении древнейших кремневых шахт//Сов. этнография. 1934. № 1—2. С. 123—127; *его же.* К истории горного дела//Тр. Ин-та этнографии. Т. 1. Вып. 2. Л., 1934; *его же.* Новые археологические памятники Камчатки//Сов. этнография. 1935. № 4—5. С. 217—224; *его же.* Отдел археологии. Подробный путеводитель. Л., 1936; *его же.* К истории первобытного обмена//Тр. Ин-та этнографии. Т. 4. Л., 1936. С. 475—504; *его же.* Новые пещерные стоянки эпохи палеолита в Узбекистане//Сов. этнография. 1949. № 1. С. 200—202.

⁵³ *О Ф. Б. Шапиро* см.: ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2896; Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 21. Л. 4, 5, 56; 44. Л. 40; Ф. 349. Оп. 3. Д. 551; Архив ИИМК. Ф. 312. Оп. 3. Д. 352, 421.

⁵⁴ *О Г. Н. Прокофьеве* см.: *Решетов А. М.* Отдание долга//Этнограф. обозрение. 1995. № 2. С. 46—48.

⁵⁵ *О А. Н. Нечаеве* см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40; Оп. 5. Д. 321; 426. Л. 61; *Мезинов Л.* Три дороги Александра Нечаева (к 75-летию со дня рождения)//Детская литература. 1977. № 3. С. 25—26; *Голубева Г. В. А. Н. Нечаев*//Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1978. стб. 559; *А. Н. Нечаеву — 80 лет*//Литературная газета. 12 марта 1982. С. 6.

⁵⁶ *Нечаев А. Н.* Сказки Карельского Беломорья. Т. 1. Л., 1939; *его же* (совм. с Н. Рыбаковой). О некоторых проблемах фольклористики (по поводу статьи В. С. Бахтина)//Сов. этнография. 1953. № 3. С. 134—141; Русские народные сказки (в пересказах А. Нечаева). М., 1953; Русские народные сказки (сост., подготовка текста и предисловие А. Нечаева и Н. Рыбаковой). М., 1959; Иван Меньшой — разум большой. Рассказал А. Нечаев. М., 1959; Былины (изложение, обработка и вступит. статья А. Н. Нечаева). Киев, 1978; Русские народные сказки. Пересказал А. Нечаев. Киев, 1982. Чудесные люди: былины и сказки (в пересказе и обработке А. Нечаева). М., 1983. Былины: русские эпические песни-сказания (пересказ и предисловие А. Нечаева). Саратов, 1994.

⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40.

⁵⁸ *О Н. Н. Волкове* см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 249. Справки Управления Министерства безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 12 июля 1991 г., от 8 октября 1991 г., от 23 июня 1993 г. (хранятся в архиве автора); Записи бесед с сестрой Н. Н. Волкова Серафимой Николаевной Волковой от 14 ноября 1994 г. и 15 января 1995 г., с его приемной дочерью Галиной Георгиевной Абрамовой от 14 ноября 1994 г. и 16 января 1995 г. (хранятся в архиве автора); *Решетов А. М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы//Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5—6. СПб., 1994. С. 353—355.

⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 249. Л. 32.

⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 249. Л. 127.

⁶¹ Список работ Н. Н. Волкова невелик. См.: *Волков Н. Н.* Секты скопцов. Л., 1930; изд. 2-е. Л., 1931; *его же.* (рец.) Золотарев А., Левин М. Саами (лопары) (Сов. краеведение. 1936. № 5. С. 62—67)//Сов. этнография. 1936. № 3. С. 136—137; *его же.* Скопчество и стерилизация. (Исторический очерк). М.; Л., 1937; *его же.* Конференция по изучению финно-угорской филологии (Секция истории и этнографии)//Сов. этнография. 1947. № 2. С. 219—221.

⁶² *О М. К. Кудрявцеве* см.: Архив МАЭ. Личное дело. Ф. 35; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1945). Д. 21. Л. 23, 33; *Успенская Е. Н.* Юбилей Михаила Константиновича Кудрявцева//Восток. 1991. № 3. С. 205; *Решетов А. М.* Михаил Константинович Кудрявцев (1911—1992)//Этнограф. обозрение. 1992. № 6. С. 152—155.

⁶³ *Кудрявцев М. К.* Новая экспозиция по культуре и быту народов Индии//Сов. этнография. 1950. № 3. С. 186—191; *его же.* Неприкасаемые//Там же. 1951. № 2. С. 140—159; *его же.* Основные этнические группы Западного Пакистана//Там же. 1952. № 2. С. 98—113; *его же.* Фрагмент дворца из города Насик (Индия)//Сб. МАЭ. Т. 14. М.; Л., 1953. С. 140—146; *его же.* Индия в XV веке//Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М., 1958. С. 143—160; *его же.* Индия. Краткий путеводитель по экспозиции. М.; Л., 1964; *его же.* Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни). М., 1971; *его же.* О положении племен в Индии (в связи с научным семинаром в Симле)//Страны и народы Востока. Вып. 19. М., 1977. С. 206—215; *его же.* Кастовая община (специфика сельской общины в Индии)//Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в. включительно). Ч. 1. Минск, 1978. С. 137—144; *его же.* Кастовая система в Индии. М., 1992; Список основных работ М. К. Кудрявцева//Сов. этнография. 1984. № 4. С. 166—167; Восток. 1991. № 3. С. 206. В Архиве МАЭ имеется фонд М. К. Кудрявцева (Ф. 35).

⁶⁴ *О Л. И. Лаврове* см.: Архив МАЭ. Личное дело. Ф. Л. И. Лаврова (Ф. 25); ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Оп. 1 (1945). Д. 21. Л. 4; Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 353; *Гарданов В. К.* Леонид Иванович Лавров (некролог)//Сов. этнография. 1983. № 1. С. 169—172; Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992.

⁶⁵ Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 353. Л. 11.

⁶⁶ *Лавров Л. И.* Из записок ополченца//Ораниенбаумский плацдарм. Л., 1971. С. 53—66.

⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1945). Д. 21. Л. 4.

⁶⁸ Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 353. Л. 33.

⁶⁹ *Лавров Л. И.* Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. (этнографо-исторические заметки)//Сов. этнография. 1936. № 4—5. С. 123—134; *его же.* Из поездки в Балкарию//Сов. этнография. 1939. № 2. С. 175—181; *его же.* Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа до XVIII в.//Сов. этнография. 1951. № 4. С. 42—56; *его же.* Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.//Материалы по истории земледелия СССР. Т. 1. М., 1952. С. 179—225; *его же.* Советская культура и быт лаков//Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952.

С. 39—52; *его же*. Рутульцы // Сов. этнография. 1953. № 4. С. 30—40; *его же*. Абазины (историко-этнографический очерк) // Кавказский этнограф. сб. 1955. Вып. 1. С. 5—47; *его же*. Адыги в раннем средневековье // Сб. статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. № 4. С. 19—64; *его же*. Абазины // Народы Карачаево-Черкесии (историко-этнографические очерки) // Ставрополь, 1957. С. 81—118; *его же*. Археологические разведки в верховьях р. Самур // Матер. по археологии Адыгеи. Майкоп, 1959. № 1. С. 175—181; *его же*. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Тр. Ин-та этнографии (новая серия). Т. 1. М., 1959. С. 193—236; *его же*. Рутульцы в прошлом и настоящем // Кавказский этнограф. сб. 1962. Вып. 3. С. 110—157; *его же*. Изменения в культуре и быте адыгейцев за годы Советской власти // Сов. этнография. 1962. № 4. С. 16—22; *его же*. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X—XVIII вв. М., 1966; Ч. 2. Надписи XVIII—XX вв. М., 1968; *его же*. Этнографический очерк убыхов // Уч. зап. Адыгейского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории. Майкоп, 1968. № 8. С. 5—24; *его же*. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнограф. сб. 1969. Вып. 4. С. 55—119; *его же*. Памяти А. Н. Генко // Там же. 1972. Вып. 5. С. 218—222; *его же*. Советский опыт языкового строительства и некоторые итоги структурного развития языков // Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 284—290; *его же*. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 6—8; *его же*. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978; *его же*. К истории северокавказского фольклора (до XIX в.) // Сов. этнография. 1979. № 1. С. 29—41; *его же*. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 3. Надписи в X—XX вв. Новые находки. М., 1980; *его же*. Кавказский отдел МАЭ и Кавказский сектор Института этнографии АН СССР // Сб. МАЭ. 1980. Т. 35. С. 22—26; *его же*. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.). Л., 1982. Список научных работ Л. И. Лаврова см.: Сов. этнография. 1979. № 3. С. 187—189; Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Август, 1979. Л., 1979. С. 16—23.

⁷⁰ О Ю. Н. Смирковиче см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 41. Оп. 5. Д. 353; 389; 426. Л. 89.

⁷¹ О С. Р. Смирнове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 42, 73. Оп. 1 (1942). Д. 28. Л. 24. Оп. 1 (1945). Д. 23. Л. 7. Оп. 5. Д. 354; Сергей Руфович Смирнов (1909—1969) // Народы Азии и Африки. 1969. № 4. С. 245—246; Сергей Руфович Смирнов. Некролог. Список основных трудов // Сов. этнография. 1969. № 5. С. 187—189; Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 515—516.

⁷² Смирнов С. Р. Английская политика косвенного управления в юго-восточной Нигерии // Сов. этнография. 1950. № 3. С. 137—153; *его же*. Восстание махдистов в Судане // Тр. Ин-та этнографии. Т. 6. М., 1950; *его же*. Египет. Восточный Судан // Народы Африки. М., 1954. С. 178—258; *его же*. Образование и пути развития северосуданской народности // Африканский этнограф. сб. 1. Тр. Ин-та этнографии. Т. 34. М., 1956. С. 7—68; *его же*. Поездка в Республику Судан // Сов. этнография. 1958. № 6. С. 112—120; *его же*. Роль государства махдистов в становлении северосуданской нации. М., 1960; *его же*. Сущность косвенного управления (на примере Судана). М., 1963; *его же*. История Судана (1821—1965). М., 1968.

⁷³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 43.

⁷⁴ Там же. Л. 44.

⁷⁵ О А. М. Кукулевиче см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 302; 401; 426; Л. 51. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 44. Ф. 150. Оп. 2. Д. 715.

⁷⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 302. Л. 23.

⁷⁷ Там же. Ф. 150. Оп. 2. Д. 715. Л. 7—8.

⁷⁸ Кукулевич А. М. (совм. с Л. М. Лотман). Источники баллады Пушкина «Жених» // Студенческие зап. филологического факультета ЛГУ. Спец. номер статей и материалов студенческого научно-исследовательского фольклорного кружка. Л., 1937. С. 90—111; *его же*. «Илиада» в переводе Н. И. Гнедича // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Вып. 2. Л., 1939. С. 5—704; *его же*. Русская идиллия Н. И. Гнедича о Рыбакип // Там же. Вып. 3. Л., 1939. С. 284—320; *его же*. (совм. с Л. М. Лотман). Из творческой истории баллады Пушкина о «Женихе» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.; Л., 1941. С. 72—91; *его же*. (совм. с Г. П. Макогоненко). (Рец.) Маяковский. 1930—1940 гг. Ст. и матер. Л., 1940 // Лит. обозрение. 1941. № 1. С. 40—42; *его же*. Гнедич // История русской литературы. Т. 56. Литература первой половины XIX в. Ч. 1. М.; Л., 1941. С. 424—435; *его же*. Майков // Там же. Т. 4. Литература XVIII в. Ч. 2. М.; Л., 1947. С. 201—226.

⁷⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 44.

⁸⁰ Сведения получены в Василеостровском райвоенкомате Санкт-Петербурга. См. также: Книга памяти. Ленинград. 1941—1945. Т. 1. Василеостровский район. А—Л. СПб., 1994. С. 466.

⁸¹ О Н. Е. Панове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 5. Д. 331; 426. Л. 70.

⁸² О В. В. Гинзбурге см.: Архив МАЭ. Личные дела; Гохман И. И. Вульф Вениаминович Гинзбург (К 60-летию со дня рождения). Список основных печатных работ В. В. Гинзбурга // Вопросы антропологии. Вып. 18. М., 1964. С. 157—162.

⁸³ Гинзбург В. В. О размерах наружных паховых отверстий в зависимости их от конституциональных особенностей индивида // Тр. IV Всесоюз. съезда зоологов, анатомов и гистологов в Киеве. 6—12 мая 1930 г. Киев; Харьков, 1931. С. 227—228; *его же*. Физическое развитие горных таджиков // Проблемы Таджикистана. Сб. ст. Т. 2. Душанбе, 1934. С. 212—219; *его же*. Кишлаки восточных районов Таджикистана и жилище горных таджиков // Сов. этнография. 1936. № 3. С. 59—77; *его же*. Горные таджики. Матер. по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза. Л., 1937; *его же*. Краниологическое собрание Музея антропологии и этнографии АН СССР // Сб. МАЭ. Т. 12. М.; Л., 1949. С. 402—416; *его же*. Древние и современные антропологические типы Средней Азии // Происхождение человека и древнее

расселение человечества. Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 16. М., 1951. С. 371—393; *его же*. Анатомическая коллекция Рюйша в собраниях Петровской Кунсткамеры//Сб. МАЭ. Т. 14. М.; Л., 1953; С. 263—305; *его же*. Древнее население восточных центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным//Антрополог. сб. Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 33. М., 1956. С. 238—298; *его же*. (совм. с Б. В. Фирштейн). Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана//Сб. МАЭ. Т. 18. М.; Л., 1958. С. 390—427; *его же*. Лимфатическая система нижних конечностей человека. Л., 1959; *его же*. Краниологические материалы из Северного Казахстана и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников. М., 1960; *его же*. Элементы антропологии для медиков. Л., 1963; *его же*. Антропологическая характеристика древних аборигенов Кубы//Сб. МАЭ. Т. 24. Л., 1967. С. 180—278; *его же*. Антропология в Академии наук//Тр. Ин-та этнографии. Т. 94. М., 1968. С. 188—215; *его же*. К антропологии туркмен//Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 34—50.

⁸⁴ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 63.

⁸⁵ О Н. И. Насекине см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 320. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 61, 63. Оп. 1 (1942). Д. 32. Л. 13.

⁸⁶ О А. Н. Кондаурове см. Решетов А. М. Отдание долга//Этнограф. обозрение. 1995. № 2.

⁸⁷ О А. Шакурове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 372; 420; 426. Л. 102.

⁸⁸ О А. Ф. Симонове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 74. Оп. 5. Д. 350, 417; 426. Л. 86.

⁸⁹ О К. Н. Шакурове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 76. Оп. 5. Д. 177, 421; 426. Л. 103.

⁹⁰ Сведения получены в Василеостровском райвоенкомате Санкт-Петербурга 11 января 1995 г.

⁹¹ О А. И. Собченко см.: Архив МАЭ. Личное дело; Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 519.

⁹² Собченко А. И. Передача сообщений на барабанах у народов Западной Африки (использование традиционных средств связи в современной политической жизни Африки)//Сов. этнография. 1952. № 1. С. 120—134; *его же*. Этнографическая коллекция В. В. Юнкера по народам Африки в собраниях Музея антропологии и этнографии//Сб. МАЭ. Т. 15. М.; Л., 1953. С. 411—447; *его же*. Коллекция В. В. Юнкера по пигмеям в собраниях Музея антропологии и этнографии//Там же. Т. 16. М.; Л., 1955. С. 308—321; *его же*. Катхакали — театр Южной Индии//Вокруг света. 1955. № 5. С. 32—34; *его же*. Ткацкий станок из Камеруна//Сб. МАЭ. Т. 17. М.; Л., 1957. С. 362—372; *его же*. Население Анголы//Сов. этнография. 1961. № 5. С. 124—133; *его же*. Этнический состав Конго//Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 72. Африканский этнограф. сб. IV. История, этнография, языкознание. М.; Л., 1962. С. 89—167.

⁹³ О Г. А. Камориной см. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 34. Л. 25; Оп. 1 (1943). Д. 26. Л. 79. Оп. 5. Д. 287; 426. Л. 38.

⁹⁴ О Е. К. Ивановой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 282; 426. Л. 36.

⁹⁵ Пользуясь случаем, искренне благодарю научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Архива РАН Н. С. Прохоренко, заведующую Архивом МАЭ РАН И. В. Жуковскую, работницу Василеостровского райвоенкомата Р. Б. Кобыльницкую, работников Дзержинского военкомата — Э. Н. Васильеву и А. С. Веселкова, а также М. Л. Шкарову из Куйбышевского военкомата за большую помощь, оказанную при подготовке этой статьи.

Paying the dept. Part II. In memory of the workers of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences who had fallen for their country

The present article is the continuation of the second part of the three-part article «Paying the Debt». Life and work of the Institute's workers who fought at the fronts of the Great patriotic war and died in the name of victory, is described.

A. M. Reshetov